

ОУИ НБ МГУ №112-113

О несостоявшейся дуэли в защиту Цветаевой и жизни русских эмигрантов в Праге и Париже

<http://oralhistory.ru/talks/orh-112-113>

🎤 18 июня 1969

Собеседники

Сосинская Ариадна Викторовна, Сосинский Владимир Брониславович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 18 июня 1969 и опубликована 26 июня 2017.

Введение

Участники этой беседы — люди с необычайной судьбой. В «лихие 20-е» Владимир Сосинский сначала вместе с белогвардейцами оказался в Константинополе, затем — в Берлине и Париже, во время Второй мировой участвовал во французском Сопротивлении, а после войны вернулся в СССР. Его жена Ариадна — дочь известного революционера Виктора Чернова, родилась за границей, после революции приехала в Россию, в 1920-е покинула ее и вернулась вместе с мужем. Эта беседа в основном посвящена эмигрантской жизни в Чехословакии и Франции, Сосинские вспоминают Ивана Бунина, Дмитрия Мережковского, Константина Бальмонта и Александра Керенского. Но главный герой этих устных воспоминаний — Марина Цветаева, с которой Сосинские были близко знакомы.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Владимир Брониславович, вначале вы расскажите, как мы с вами улавливались, немножко о себе, прежде всего дату вашего рождения.

Владимир Брониславович Сосинский: Родился я 21 августа¹ 1900 года. Родился я в семье инженера, который получил образование за границей, и по роду своей работы мы жили фактически чуть ли не во всех городах России. Я учился в городе Боровичах в реальном училище², в Венёве Тульской области³. Скажем, как раз тогда, это было в годы войны, училище у нас было Паневежское, то самое, в котором теперь находится замечательный театр⁴. Я думаю, что те мои сотоварищи, несомненно, — одни из тех актеров, которые прославились.

¹ По старому стилю – 8 августа, по новому – 21-го.

² Боровичи – уездный город (с 1770) на реке Мста в Новгородской губернии, в 175 км от Великого Новгорода. Сейчас по числу жителей – второй в области. Реальное училище размещалось в двух зданиях (двух- и трехэтажном, с подвалом), построенных в 1906-м и 1912–1913 гг. соответственно, на главной, Екатерининской улице. Преобразовано из начальной школы в 1913 г. Просуществовало до 1918 г.

³ Венёв – уездный город (с 1777) на реке Венёвке, в 52 км от Тулы. Самым крупным учебным заведением в городе было Духовное училище, переведенное сюда в 1838 г. В 1917–1918 гг. из-за войны в одном из его корпусов на Казанской, в обиходе Почтовой, улице (ныне Советской) размещалось Поневежское реальное училище Виленского учебного округа, эвакуированное из города Поневеж Ковенской губернии. Найденная недавно пряжка с аббревиатурой РУВ, которая расшифровывается, по-видимому, как Реальное училище Венёва, предположительно свидетельствует о бытовавшем местном, параллельном названии училища.

⁴ Паневежис (до 1917 г. Поневеж) – литовский город (с 1837) на обоих берегах реки Невежис (приток Немана), в 109 км от Каунаса (до 1917 Ковно). В 1940 г. здесь был основан Драматический театр, главным режиссером и художественным руководителем которого в лучшие годы (1940–1954, 1959–1980) был Юозас Мильтинис (1907–1994), а самым успешным актером Донатас Банионис (1924–2014), игравший на этой сцене более полувека, с 1944 по 2000 г. Всесоюзную известность к концу 1960-х гг. принесли ему фильмы «Никто не хотел умирать» (1965; председатель Вайткус) и «Мертвый сезон» (1968; разведчик Константин Тимофеевич Ладейников).

Затем я вспоминаю Санкт-Петербургское реальное училище, 1-е, в котором учились Надсон и Гаршин, потом... очень много городов, но всегда я жил вне семьи. Может быть, это и отложило какой-то такой отпечаток на дальнейшие одинокие скитания.

⁵ Санкт-Петербургское первое реальное училище (12-я линия Васильевского острова, д. 5) было образовано в 1872 г. на базе 7-й гимназии, открытой десятью годами раньше. Писатель Всеволод Гаршин (1855–1888) поступил в эту гимназию в 1864 г. и окончил ее курс в 1874-м (см.: Исторический очерк С.-Петербургского первого реального училища. 1862–1912 / составил преподаватель училища Г. М. Князев. СПб., 1912. С. 50, 150, 2-я пагинация). Поэт Семен Надсон (1862–1887) ни к этой гимназии, ни к этому училищу отношения не имел. Он учился в подготовительном классе 1-й классической гимназии, затем, с 1872 г. по 1879-й во 2-й военной гимназии и наконец в Павловском военном училище, которое окончил в 1882 г. В «Общем списке учеников С.-Петербургской VII гимназии, классической и реальной, за 1862–1872 г., и I реального училища с 1872 по 1912 г., с обозначением продолжительности и времени обучения каждого и классов, в которых кто обучался» его имени нет (см.: Там же. С. 29–146, 2-я пагинация).

В. Д.: Почему вне семьи?

В. С.: Потому что всегда семья находилась в другом месте, и не было реального училища там, где были особые условия — строительство (*смеется*).

В. Д.: Так, минуточку. (*Перерыв в записи.*)

В. С.: Так судьбе было угодно, что я оторвался от семьи, находился, где угодно, и я оказался во время Гражданской войны в Константинополе, тоже один. Вот отсюда начинается моя зарубежная жизнь.

Константинополь — София — Берлин — Париж

В. Д.: А как вас занесло в Константинополь?

В. С.: Был такой трагический случай в моей семье, когда умерла моя сестра, и я просто ушел из дому размыкать свое горе, и по дороге встретилась какая-то воинская часть и включила меня в свой состав. Это и была белая армия. Таким образом, я пробыл за все время и в денкинской, и во врангелевской, до Перекопа включительно⁶. Ну, таким образом...

⁶ Опасаясь последствий, Сосинский вынужден был, насколько возможно, вуалировать свой выбор в пользу белых и не без лукавства перебирал наиболее безобидные варианты. Его сын, Сергей Владимирович Сосинский-Семихат (1944–2004) в предисловии к книге отца «Рассказы и публицистика» (М.: Российский архив, 2002) отмечает: «...он придумал несколько версий того, как попал в Белую армию, и сейчас уже трудно узнать, как это было на самом деле. В последние годы Владимир Брониславович сделал такое признание: когда Бердянский был занят Белыми войсками, его вызвал начальник контрразведки и пригрозил расправой за “левую” деятельность. Ему была предоставлена только одна возможность: искупить вину, вступив в учебную команду Елизаветградского гусарского полка, на что он и согласился. <...> Елизаветградский полк сражался в составе Белой армии на юге России. Владимир Брониславович видел трупы белых офицеров, на которых красные вырезали погоны, но и сам в строю участвовал в расстрелах красных, на телах которых вырезали звезды. Был ранен в грудь навывлет и награжден орденом Николая Чудотворца лично генералом Врангелем, болел брюшным тифом. Много раз жизнь его висела на волоске, но счастье всегда улыбалось ему» (С. 10).

В. Д.: Вы эвакуировались из Севастополя?

В. С.: Представьте себе, даже не эвакуировался, а бежал. Брат мой сводный, с которым я часто... вместе учился в Боровичах, в Венёве, брат мой сводный был моряком частного флота, и он еще за шесть месяцев до разгрома Врангеля увез меня в трюме пароходом в Константинополь⁷. Но там он ушел в другое плавание, а я начал вести свою бродяжническую жизнь, которая продолжалась еще полгода. А потом попал я из Константинополя в Софию, из Софии — в Берлин. Но главное время за рубежом я провел в Париже.

⁷ Сводный брат Сосинского (сын его мачехи Эммы Августовны) – Борис Григорьевич Семихат. «Борис, – писал в 1972 г. Сосинский, – тогда был матросом первого класса на пассажирском небольшом, но очень элегантном пароходе “Князь Александр Михайлович”. Курсировал он между Константинополем и Севастополем. Занимался (не пароход, а Борис) контрабандой турецкого табака. Я сам ходил с ним по магазинам Севастополя, где он загонял этот табак. <...> Поместил он меня на своем пароходе в котельной. Помню этот жуткий переход Черного моря. Жарился я два дня и две ночи, как на сковородке в аду, задыхался и терял сознание. А выйти на палубу нельзя было: заяц и при этом дезертир. В Константинополе, которым правили тогда победители Турции — союзники, Борис купил мне документы и, чтобы они не выдали меня обратно Врангелю, не на мое имя, а на имя Владимира Григорьевича Семихата, на этот раз единственного родного, а не сводного брата Бориса Семихата» (Там же. С. 40).

Парижская жизнь и мое увлечение литературой, мои первые рассказы, работа в типографии, где я был директором долгое время...

В.Б. Сосинский. Берлин, 1924.

В. Д.: Вы печатали рассказы?

В. С.: Уже печатали мои рассказы, поскольку я был секретарем такого ежемесячника «Воля России»⁸, в котором был напечатан «Крысолов» Марины Цветаевой⁹, печатались произведения...

⁸ Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал эсеровской ориентации «Воля России» (1924–1932) издавался сначала в Праге (до 1927), затем в Париже.
«Воля России», – писал Сосинский, – прославилась тем, что всегда печатала Марину Цветаеву и Алексея Ремизова, которых не любили редакции других журналов, и всех молодых поэтов и прозаиков Зарубежья. Кроме того, ее критический отдел на 75% был посвящен советским писателям. А из молодых «Воля России» печатала не только тех, что были в Париже, но и в Праге, Харбине и Шанхае» (Там же. С. 100).

⁹ Поэма «Крысолов» (март – октябрь 1925) печаталась в «Воле России» по мере написания: 1925, № 4, 5, 6, 7–8, 12; 1926, № 1.

В. Д.: Очень интересно!

В. С.: Да, вот эта эпоха как раз особо интересна и требует, если хотите, такого особого выступления. Литературный русский Париж! Мы в этом, так сказать, двадцать лет «купались» в эту эпоху.

Ну, а потом в 1929 году, как раз 30 июня будет сорокалетие нашей свадьбы. В Кламаре¹⁰, где жил Николай Бердяев, Карсавина, Скрябины,¹¹ там состоялась наша свадьба. И может быть, к этому времени стоит уже рассказать и начало наших литературных встреч, а биография продлится потом?

¹⁰ Кламар – город в 10 км юго-западу от Парижа.

¹¹ Высланный из Советской России на «философском пароходе» осенью 1922 г. религиозный и политический философ Николай Бердяев (1874–1948) жил в Кламаре в 1924–1948 гг.; похоронен на городском кладбище Буа-Тардьё. Высланный, как и Бердяев, религиозный философ, историк-медиевист, поэт и отец трех дочерей Лев Карсавин (1882–1952) жил в Кламаре в 1926–1928 гг. Сюда к нему приезжала его сестра, балерина из русской антрепризы Сергея Дягилева, партнерша Вацлава Нижинского Тамара Карсавина (1885–1978). В Париже и его пригородах жили дочери композитора Александра Скрябина от второй, гражданской жены Татьяны Федоровны Шлёцер (1883–1922): поэтесса, участница Сопrotивления Ариадна Скрябина (в третьем браке Сарра Кнут; 1905–1944) и пианистка, музыковед и искусствовед Марина Скрябина (1911–1998), Фамилию отца они получили после его смерти благодаря его завещанию и предсмертному прошению на Высочайшее имя. 29 июня 1922 г., через два с половиной месяца после похорон Татьяны Шлёцер, Цветаева, называя ее Скрябиной, писала Пастернаку: «Я была с ней в дружбе 2 года подряд, – ее единственным женским другом за жизнь. Дружба суровая: вся на деле и в беседе, мужская, вне нежности земных примет» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма / вступ. ст. Анны Саакянц; сост., подгот. текста и коммент. Льва Мнухина. С. 223*). Там же жили сводные братья Александра Скрябина: Владимир Николаевич (1884–1960) – полковник лейб-гвардии Уланского полка, музыкант и Кирилл Николаевич (1899–1940) – вольноопределяющийся лейб-гвардии Конного полка, сержант французской армии, погибший на фронте.

В. Д.: Владимир Брониславович, может быть, мы попросим теперь Ариадну Викторовну к свадьбе «подготовиться» (*смеются*), а то откуда же вы явились? Откуда вы появились там?

Детство Ариадны Сосинской

Ариадна Викторовна Сосинская: Я родилась вообще в Париже, и первое мое детство прошло в Италии в среде русских революционеров, которые эмигрировали от царского правительства, и жили мы в даче большой на берегу моря в Италии.

В. С.: Должен сказать, что имя... название этой дачи было «Вилла Ариадна» — в честь моей жены¹².

¹² Эта вилла была куплена в городке Алассио, недалеко от Сан-Ремо, на побережье Лигурийского моря за деньги, подаренные бабушкой Ариадны Сосинской по линии матери на рождение внучки.

В. Д.: Простите, а ваша девичья фамилия?

А. С.: Чернова.

В. Д.: Чернова. Вот, значит, ваша сестра — жена Вадима Андреева?

А. С.: Да.

В. Д.: Значит, вот эти три сестры, которые <нрзб> — это Черновы¹³?

¹³ Три сестры Черновы: Ариадна Викторовна (1908–1974), Ольга Викторовна (1903–1979) и Наталья Викторовна (1903–1992) вышли за трех лучших друзей – Владимира Брониславовича Сосинского, Вадима Леонидовича Андреева и Даниила Георгиевича Резникова. – *Примечание А. В. Сосинского.*

А. С.: Черновы.

В. Д.: Это что, социалистическая?..

А. С.: Это социалистическая среда, да.

В. Д.: Эсеры.

А. С.: Да.

В. Д.: Везет мне. У меня недавно записана оказалась вдова Мартова, Юлия¹⁴.

¹⁴ Оговорка Дувакина: речь идет о сестре Ю.О. Мартова Евгении Осиповне (Иосифовне) Яхниной (Цедербаум) (1892—1979) — литераторе и переводчике. Дувакин записал с ней две беседы в 1968 и 1970 гг. См. Отдел устной истории НБ МГУ. № 66 и 597 (готовятся к публикации).

В. С. (*смеется*): Понятно!

В. Д.: И вы родились...

А. С.: Я родилась в Париже.

В. Д.: В каком году? Простите за нескромный вопрос.

А. С.: В 1908 году¹⁵.

¹⁵ В декабре.

В. Д.: Ага, значит, мы с вами почти сверстники¹⁶.

¹⁶ Дувакин родился в феврале (по новому стилю – в марте) 1909 г.

А. С.: Прожила я в Италии на даче, где жили очень многие социалисты-революционеры и люди, бежавшие из России. Там бывал и Гершуни¹⁷, и...

¹⁷ Григорий Андреевич Гершуни (1870–1908) – один из создателей партиясоциалистов-революционеров и ее Боевой организации – самого результативного террористического формирования начала XX в. До ареста в мае 1903 г. был, по словам В. М. Чернова, ее центром и диктатором. Умер в Женеве от саркомы легкого за девять месяцев до рождения Ариадны Сосинской. Ему посвящен обширный мемуарный очерк Чернова (*Чернов В. М. В мире социалистов-революционеров: воспоминания о восьми лидерах /* публ., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А. П. Новикова и К. Хузер. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 290–348).

В. С.: Максим Горький...

А. С.: ...Максим Горький¹⁸...

¹⁸ С Горьким Чернов познакомился в Париже в апреле 1911 г. Их дружеское общение продолжалось до начала января 1912 г. С весны до осени 1911 г. оба сотрудничали в журнале «Современник». На обложке 7-го номера их имена помещены в качестве редакторов. Уйдя из «Современника» в ноябре, Чернов несколько раз приезжал к Горькому на Капри, чтобы договориться об издании нового журнала. Однако это не удалось, и их отношения разладились.

В. С.: ...Муссолини, Бенито, когда был социалистом¹⁹.

¹⁹ Бенито Муссолини (1883–1945) – один из основателей итальянского фашизма – начинал как воинствующий социалист. В 1900 г. вступил в Итальянскую социалистическую партию, в 1912–1914 гг. был редактором центрального органа партии – газеты *Avanti!* («Вперед!»).

А. С.: Ну, это он один раз приехал. Это не надо... А приезжали туда... такая замечательная Наташа Климова была революционерка²⁰. Вообще много людей... И жили необычайно интенсивной жизнью, всегда рассказывали о России. И хотя я выросла в Италии, но всегда с мыслью о России.

²⁰ Наталья Сергеевна Климова (1885–1918) – легенда русского революционного террора. Родилась в семье рязанского помещика, адвоката, члена Государственного совета Сергея Семеновича Климова (1850–1907). С мая 1906 г. – в партии эсеров-максималистов. Участвовала в подготовке взрыва с многочисленными жертвами, прогремевшего через три месяца, 12 августа, на даче министра внутренних дел П. А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге. В ожидании казни в камере смертницы написала пронзительное письмо, благословляя теракт, давший ей ощущение «полнейшей гармонии внешних условий жизни и своего внутреннего мирка, со своим “я”, с его велениями и волей, с его понятиями истины – права – справедливости» (Образование. 1908. № 8. С. 68, 2-я пагинация). После дерзкого «побега тринадцати политкаторжанок» из московской Новинской тюрьмы (1909) – в эмиграции. Примкнула к Борису Савинкову, формировавшему боевую группу для очередного покушения. Однако в 1912 г. вышла замуж и распрощалась с террористическим подпольем. Родила трех девочек. После революции собралась обратно в Россию, но, выхаживая дочерей, подхватила испанку и умерла. Стала прототипом Наташи Калымовой – главной героини романа Михаила Осоргина «Свидетель истории» (1932). О ней – рассказ Варлама Шаламова «Золотая медаль» (1966). Старшая дочь Климовой, Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), родилась в Италии, близ Генуи, образование получила в Париже. Была невестой поэта Бориса Поплавского. В Москву приехала в 1934 г. Арестована в 1937-м. Восемь лет отсидела в лагере. Работала секретарем у Ильи Эренбурга. Была одной из тайных помощников Александра Солженицына. Ей и ее близкому другу А. А. Угримову посвящен очерк из цикла «Невидимки» (*Солженицын Александр. Бодался теленок с дубом: очерки литературной жизни. М.: Время, 2018. С. 516–538*).

В. Д.: И вы... С детства?

Возвращение в Россию. Лига спасения детей

А. С.: Конечно. И как только началась революция, в 17-м году мы поехали в Россию. Это было очень трудно, потому что пришлось ехать через Лондон. Это было военное время, надо было ехать, типа выезжать тогда, чтобы немцы не могли напасть на этот корабль. Значит, был 17-й год.

В. Д.: Ах, водным путем ехали из Италии в...

А. С.: Из Италии в Лондон, потом через Норвегию в Россию, <нрзб> революция.

В. Д.: Это было раньше, чем приехал Ленин?

А. С.: Да-да. Это было в мае. Значит, собственно, мы...

В. Д.: Но Ленин 3 апреля приехал...

А. С.: Значит, это было позже.

В. Д.: Ах, позже даже. Значит, Чернов позже...

В. С.: Нет, но Чернов был раньше.

А. С.: Да, мой отец поехал раньше, а семья приехала потом.

В. Д.: Чернов, я помню, уже действовал²¹...

²¹ В. И. Ленин и его спутники-большевики прибыли на Финляндский вокзал в Петрограде поздним вечером 3 апреля 1917 г. В. М. Чернов вместе с другими лидерами эсеров Николаем Авксентьевым, в будущем министром внутренних дел 2-го коалиционного Временного правительства, и Борисом Савинковым, в будущем управляющим военного министерства и товарищем военного министра, вернулись из эмиграции через пять дней, 8 апреля.

А. С.: Потом, значит... И первая моя встреча с Россией... у меня как-то совсем не было впечатления, что это что-то чужое.

” Наоборот, я сразу себя почувствовала очень своей, и вот жизнь во время революции большую отложила печать на мою жизнь, именно жизнь вне каких-то общественных обычных, привычных условий, то, что что-то такое разорвалось, что жизнь идет как-то особенно — это на меня очень сильно подействовало.

И это же чувство у меня было потом, когда я приехала во Францию, когда началась война, когда тоже разорвались общие какие-то условия жизни, когда с французами...

В. Д.: Уже в 41-м, то есть в 40-м?

А. С.: Да, когда мы почувствовали общность такую большую с французами. Мой муж пошел волонтером на войну, во французскую армию, и я с французскими женщинами в первый раз почувствовала себя как-то очень близкой, потому что мы вместе посылали посылки, мы вместе волновались. В общем, мы были... в этот момент мы были не иностранцами, а как будто...

В. Д.: А как вы попали обратно за границу? Значит, учиться вы приехали девяти лет...

А. С.: Да-да.

В. Д.: Учиться вы здесь начали?

А. С.: Я начала учиться, но потом...

В. Д.: В Москве?

А. С.: Да.

В. Д.: В Серебряном Бору?

А. С.: Да, в Серебряном Бору я начала.

В. С.: Екатерина Павловна Пешкова этим занималась.

А. С.: Тогда было знаменитое... — Пешкова, Кишкин...

В. С.: Кускова.

А. С.: ...Кускова устроили такое — Лига спасения детей²².

²² Лига спасения детей – независимая общественная организация, учрежденная осенью 1918 г. по инициативе Владимира Короленко. Среди ее руководителей были Е. П. Пешкова (1876–1965) – первая жена Горького и мать его сына Максима, член партии эсеров с 1905 г., видная общественница, входившая в руководство Московского политического Красного Креста (1918–1922), а затем возглавившая единственную разрешенную правозащитную организацию в СССР «Помощь политическим заключенным» (1922–1937); Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) – врач, член ЦК кадетской партии, министр государственного призрения в последнем составе Временного правительства (25 сентября – 25 октября 1917), впоследствии один из инициаторов общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (1921); Екатерина Дмитриевна Кускова (1869–1958) – активистка общественно-политического движения, публицист, комиссар Временного правительства по обеспечению свободы печати в Москве, решительная противница советской власти, инициатор наряду с Кишкиным, ее мужем С. Н. Прокоповичем и др. того же Всероссийского комитета помощи голодающим. В июне 1922 г. выслана из Советской России.

В. Д.: Я тоже воспитанник ее.

А. С. и В. С.: Да? (*Смеются*.)

В. Д.: И Ростислав Плятт²³. Мы из одной колонии были.

²³ Ростислав Янович Плятт (1908–1989) – актер театра и кино, народный артист СССР (1961), лауреат Государственной премии СССР (1982), Герой Социалистического Труда (1989).

А. С.: С кем?

В. Д.: С Ростиславом Пляттом.

А. С.: Значит, и со мной!

В. Д.: В 1-й колонии Лиги спасения детей?!

А. С.: В 1-й колонии Лиги спасения детей.

В. Д.: Только, может быть, вы раньше?

А. С.: Николай Иванович там.

В. Д.: Николай Иванович и жена Николая Ивановича — Галина ...

А. С.: Илларионовна.

В. Д.: Галина Илларионовна²⁴! Вот я вспомнил. Значит, у меня вместе с вами общее детство! Вот какие совпадения бывают! Ну, значит, вы были в этой колонии... Это зима была 20-го — 21 года. А потом?

²⁴ В беседе Дувакина с Пляттом 30 января 1978 г. (кассета № 657) всплывает ее фамилия – Журина и приводятся частушки, которые она сочиняла о своих воспитанниках (см.: Человек. 1995. № 6. С. 173). Галина Илларионовна Журина (1889— после 1925) — художница, педагог, сотрудник Подкомиссии по составлению программ ИЗО для школ I ступени при ГУСе. Николай Иванович Журин (1889— после 1930) — педагог, в 1920-х гг. сотрудник Комиссии по детскому журналу МОНО. Оба упоминаются в кн.: Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Отъезд за границу

А. С.: В конце 21-го года мы уехали за границу. Моя сестра была больна, и, по хлопотам Горького, мы уехали сначала в Германию, а потом в Париж, в Прагу и в Париж.

В. Д.: Это уже после ликвидации Помгола²⁵?

²⁵ Помгол – здесь аббревиатура общественного Всероссийского комитета помощи голодающим (ВК Помгол). Статус ВК Помгола ВЦИК утвердил 21 июля 1921 г. Через месяц, 27 августа, постановлением Президиума ВЦИК этот общественный Помгол был распушен. Для дискредитации ВК Помгола была развязана агрессивная кампания в печати и даже придумано издательское название для него – «Прокукиш» (по первым слогам фамилий организаторов: Прокопович, Кускова, Кишкин) или просто «Кукиш». А чтобы перехватить средства, поступавшие из-за рубежа, параллельно декретом ВЦИК от 18 и 21 июля была создана правительственная Центральная комиссия помощи голодающим при ВЦИК (ЦК Помгол). Она была упразднена 15 октября 1922 г.

А. С.: Да.

В. Д.: Комитета и ... Кишкин там... А отец был уже там раньше, да?

А. С.: Да, мой отец был там уже раньше²⁶, а нас, значит... мы поехали с советским паспортом и были, собственно, белые вороны: это были первые люди, поехавшие с советским паспортом. Так что было очень странно, все удивлялись нам.

²⁶ Чернов уехал из России через Финляндию в конце августа 1920 г. вместе со своей помощницей Идой Самойловой Сырмус-Пыдер (1887–1959), которая стала его третьей женой. Она была уроженкой Тарту, и это помогло им прожить по соседству с Россией, в Эстонии, почти полтора года.

В. Д.: То есть вас выпустили не специально как семью Чернова — тогда ведь отпускали все-таки кое-кого?

А. С.: Собственно, моя сестра была больна. Уже потом, после нас, поехали очень многие. Тогда поехали Осоргин²⁷...

²⁷ Писатель Михаил Осоргин (1878–1942) был выслан осенью 1922 г. на «философском пароходе», как и Бердяев.

В. Д.: <нрзб>, историки там...

А. С.: Историки все...

В. Д.: Ключников²⁸...

²⁸ По-видимому, Юрий Вениаминович Ключников (1886–1938) – юрист, специалист в области международного права и международных отношений, с 1917 г. профессор Московского университета. В 1918 г. участвовал в антибольшевистском восстании в Ярославле. Был министром иностранных дел в правительстве А. В. Колчака (ноябрь – декабрь 1918). С 1919 г. в эмиграции. Согласился войти в качестве юриста-эксперта в состав советской делегации на Генуэзской конференции. В августе 1923 г. вернулся на родину. В 1934 г. за «антисоветскую агитацию» выслан на три года в Карелию. В 1937 г. снова арестован и в начале 1938 г. за «шпионско-террористическую деятельность» расстрелян.

А. С.: ...Бердяев... Ну, в общем...

В. Д.: Это позже.

Знакомство с Цветаевой

А. С.: Это позже, да. А мы были первые, которые уехали с советским паспортом, сначала в Эстонию, мы были короткое время, потом жили в Берлине, и потом я поехала в Прагу, где и познакомилась с Мариной Ивановной Цветаевой.

В. Д.: Значит, это была не высылка, а <нрзб> А Марина Ивановна раньше вас уехала?

А. С.: Марина Ивановна, вероятно... примерно в то же время²⁹.

²⁹ Цветаева уехала в эмиграцию 11 мая 1922 г. С 15 мая – в Берлине. 1 августа приехала в Прагу и прожила здесь три года.

В. Д.: И вы, значит...

А. С.: Я встретилась с нею уже в Праге, где она жила. Мы очутились просто в одном и том же доме, где сдавались комнаты, там много русских жило, были и другие люди. И познакомились мы с ней просто как соседи³⁰.

³⁰ Этот дом находился в предместье Праги – Смихове.

” Она жила в том же коридоре, и часто проходила всегда с таким особенным своим взглядом, как бы невидящим или видящим мимо вас или через вас — не замечая. Это было очень такое ее...

Те, кто ее знал, очень помнят этот взгляд, когда она не замечала людей.

В. Д.: Значит, вы... это 22-й год?

А. С.: Это был 23-й уже год.

В. Д.: 23-й год, вы — четырнадцатилетняя девочка-подросток...

А. С.: Да-да.

В. Д.: ...живете с вашей мамой, и там с сестрой...

А. С.: Нет, только с мамой³¹.

³¹ Мать Ариадны Сосинской – Ольга Елисеевна Колбасина-Чернова (1886–1964), вторая жена Чернова. Она выпускница филологического факультета Высших Бестужевских курсов, литератор. До Ариадны, еще от первого мужа – художника М. С. Федорова, родила двух девочек-близнецов: Ольгу и Наталью, удочеренных Черновым. В эмиграции жила в Берлине и Праге, с 1924 г. – в Париже. Выпустила небольшую книжку «Воспоминания о советских тюрьмах» (Париж, 1922). Адресат Марины Цветаевой и автор воспоминаний о ней. За три с половиной месяца до смерти вернулась на родину. Похоронена в Переделкине.

В. Д.: Только с мамой. И в той же квартире Марина Ивановна Цветаева...

А. С.: С мужем и дочкой.

В. Д.: С мужем, с этим самым... с Эфроном. И уже Аля была?³²

³² Сергей Яковлевич Эфрон и одочери Цветаевой и Эфрона – Ариадне Сергеевне Эфрон (Але) см. ниже.

А. С.: Да.

В. Д.: Ей, значит, в это время было около тридцати лет³³.

³³ Цветаева родилась 26 сентября (8 октября) 1892 г. В Прагу она приехала 1 августа 1922 г., за два месяца с небольшим до 30-летия.

А. С.: Это, вероятно, было самое счастливое время ее жизни. Хотя все мыкак-то рвались из Чехии, казалось, что в Чехии скучно, нет той жизни, которую представлял из себя Париж, но все-таки, я думаю, что ей там хорошо жилось. Во-первых, это была встреча ее с мужем³⁴. Потом все-таки, как ни тяжело жилось, все-таки она имела стипендию и жила менее бедно, менее трудно, чем потом в Париже, и чем, конечно, в первые годы...

³⁴ В июле 1921 г. Цветаева получила из Праги первое за три с половиной года письмо от мужа, оставившего Россию вместе с частями Добровольческой армии, и стала готовиться к отъезду для воссоединения с ним.

В. Д.: Здесь?

А. С.: ...после революции, да.

В. Д.: А кто же ей платил стипендию?

А. С.: Чехи. Вы знаете, что чехи вывезли золотой запас русский, и они считали своей обязанностью как-то помогать и содержать русских эмигрантов³⁵. Поэтому жизнь в Чехии была совсем не похожа на жизнь в Париже. Там люди имели какую-то маленькую стипендию, не работали и поэтому, конечно, мало общались с чехами. В общем, были только случайные встречи, и жили более беззаботно, чем в других местах. И Марина Ивановна, как и все, тоже имела возможность больше писать, у нее было больше свободного времени и какая-то хоть минимальная обеспеченность.

³⁵ То, что Чехословацкий корпус, участвовавший в Гражданской войне в России, вернулся домой, захватив часть золотого запаса Российской империи, не находит убедительного документального подтверждения. Однако чешское правительство пригласило в страну несколько тысяч российских эмигрантов и только с 1921 по 1927 г. выделило на их поддержку почти 490 млн крон (примерно 170 млн долларов).

В. Д.: Ну и что она в это время писала?

А. С.: Она писала тогда «Мблодца» как раз, «Молодца», потом «Поэму конца» и «Поэму горы», которую она только что пережила. Это, в общем, так сказать, роман, действительно бывший в ее жизни³⁶. Потом она писала...

³⁶ Поэму-сказку «Мблodeц» Цветаева писала в Праге в 1922 г. «Это лютая вещь, – признавалась она в письме Борису Пастернаку (10 марта 1923), – никак не могла расстаться» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений*: в 7 т. Т. 6. С. 241).

³⁷ Обе поэмы обращены к Константину Болеславовичу Родзевичу (1895–1988) – другу Сергея Эфрона и возлюбленному Цветаевой, который, как она считала, вероломно женился на ее подруге М. С. Булгаковой. Он из семьи медика – генерала царской армии. Учился в университетах Варшавы, Киева, Петербурга. В 1917 г. добровольно поступил на военную службу. В нашей Гражданской войне был комендантом Одесского Красного порта и одним из командиров Нижнеднепровской Красной флотилии. Но попал в плен, был приговорен к смертной казни, помилован и эмигрировал в 1920 г. с белыми. С 1922 г. обучался на Русском юридическом факультете Карлова университета в Праге и в 1924 окончил его. 7 апреля 1923 г. познакомился с Цветаевой. С весны 1926 г. жил во Франции. Продолжал изучать право в Сорбонне. Присоединился к евразийскому движению (см. примечание ниже). Заведовал отделом еженедельника «Евразия» (1928–1929). В Париже вступил в коммунистическую партию, сотрудничал с НКВД. В 1936–1938 гг. участвовал в Гражданской войне в Испании под именем Луи Кордэ. Позже – во французском антифашистском Сопротивлении. С 1943 по 1945 г. сидел в немецких концлагерях, в частности в Заксенхаузене. Переводил поэзию Райнера Марии Рильке. Профессионально занимался рисунком и деревянной скульптурой. Автор цветаевских портретов. В 1960 г. через Сосинского переслал Ариадне Эфрон письма Цветаевой к нему и другие материалы, связанные с нею.

В. Д.: Он не связан с мужем?

А. С.: Нет-нет. У нее вообще было много романов, скорее, просто встречи, которые ей были нужны как поэту, как писателю. Не знаю, скорее, понимаете, такие какие-то...

В. С.: Она создавала образ собеседника и человека, с которым она дружила, создавала таким, каким он никогда не был.

А. С.: Ну, ей нужна была какая-то отдушина, и очень... Она очень не любила быт, ей очень тяжело жилось, потому что она совершенно не умела ничего делать. Она воевала с кастрюлями, она воевала...

В. С.: С огнем...

А. С.: ...с огнем.

В. С.: ...с углем, с керосином.

А. С.: Эти керосинки ей жгли руки. А в то же время она никогда не жила как богема: у нее был муж, у нее были дети, сначала одна девочка, потом двое. Она всегда для них должна была готовить.

У нее всегда был вовремя сделан — хороший или плохой, — но всегда должен был быть обед. И она совершенно не любила вообще богемство такое.

Она была очень собранным человеком, и то, что она считала нужным, она все это делала, несмотря на то, что делала это с отвращением, не любя, и очень тяжело ей это было.

Утро она всегда себе выгораживала для писания, но... не могла дня прожить без своего письменного стола и без писания. Если ей не писалось что-то новое, она переписывала старое, она отделяла что-то, но она не могла себе представить, чтобы один день, одно утро, вернее, она провела бы вне письменного стола.

В. Д.: Значит, она была человеком долга?

А. С.: Долга, да. Но это относительно семьи. Относительно друзей — у нее было меньше. Она тоже... она любила защищать друзей, но она могла очень легко... Создавала дружбу и даже всегда с оттенком даже некоторого влюбления, все равно, будь то женщина или мужчина, но какое-то у нее было такое восторженное, очень сильное чувство, которое могло вдруг пропасть. У нее не было, понимаете, чувства долга, и она не любила... Особенность ее была, она сама это всегда утверждала, что у нее совсем нет чувства благодарности. Если человек что-то для нее делает — он делает это для себя.

В. С.: Это не противоречиво.

В. Д.: Да нет, это естественно. И она для других тоже делала.

А. С.: И она тоже делала, да.

В. Д.: Она могла поблагодарить вас, сделав добро третьему лицу.

А. С.: У нее даже не было такого чувства: она делала для себя. Когда она кого-то любила, она делала это для себя. И считала, что это делают для нее тоже.

В. Д.: И ей делают — тоже делают для себя.

А. С.: Да, для себя.

В. Д.: Ну, как она вас воспринимала? Ведь вы же девчоночка была.

А. С.: Да. Мы встретились с ней случайно. Она однажды пришла попросить вилок, ложек. У нас вообще ничего не было, ни у нее, ни у нас. Но она ждала гостей и пришла попросить у нас. Мама дала ей. Ну, не знаю, у нас, может быть, четыре вилки было или что-то в этом роде, и у нас были ножи, два таких кинжала из Корсики, на которых было написано «вендетта». Это были такие очень грубые ножи, примитивные, которые когда-то мама вывезла с Корсики.

Марине Ивановне это необычайно понравилось, и тут в первый раз она посмотрела на нас не как на соседей, а как бы на людей одной с ней масти, людей, для которых совершенно не имеет никакого значения быт там обстановка, посуда. И ей особенно понравились эти ножи. И вот с этого началась какая-то дружба. Она уже перестала нас не замечать, уже у нас установились очень хорошие отношения.

У мамы было очень много книг французских — мои сестры жили в Париже и присылали нам. Тогда все очень увлекались Жидом³⁸, его книги выходили, и много других. Такой был писатель Кессель³⁹, о котором тогда очень хорошо... надеялись, что это будет большой писатель, но из него не вышло того,

что он обещал. И вот эти книжки Марина Ивановна у нас брала. И тут началась очень большая и горячая дружба ее и моей мамы. Я была еще девочка, но Марине Ивановне было очень приятно советовать мне какие-то книги... вот Жорж Санд я помню.

³⁸ Андре Жид (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947). В первой половине 930-х гг. неоднократно выступал в поддержку СССР. В ответ здесь его щедро издавали, вышло даже Собрание сочинений в 4-х томах (1935–1936). Но, побывав в Советском Союзе летом 1936 г., он выпустил очерк «Возвращение из СССР» с достаточно взвешенной критикой советских порядков, которая тем не менее была воспринята весьма болезненно. Немецкий писатель Лион Фейхтвангер, приехавший в Москву следом, в 1937 г., был встречен эпитаграммой:
Стоит Фейхтвангер у дверей
С каким-то непонятым видом.
Смотрите, как бы сей еврей
Не оказался тоже Жидом (323 эпитаграммы / составитель Е. Эткинд, Париж: Syntaxis, 1988. С. 62).
Естественно, «Возвращение из СССР» в СССР тогда издано не было. Андре Жида у нас вообще перестали печатать вплоть до перестройки.

³⁹ Жозеф Кессель (1898–1979) – французский писатель, академик (1962), сын эмигрантов из России. Родился в Аргентине, но в детстве несколько лет прожил в Оренбурге. В юности добровольцем поступил во французскую авиацию и участвовал в боях с немцами в годы Первой мировой войны. И тоже добровольцем в составе французского экспедиционного корпуса побывал во взбаламученном Владивостоке в 1918–1919 гг. Об этом – повесть «Смутные времена» (1975). Роман «Дневная красавица» (1928) в 1967 г. экранизировал Луис Бунюэль (в главной роли Катрин Денёв). Роман «Лев» (1958) широко разошелся в переводах. Но в Праге в первой половине 1920-х гг. были доступны только сборник новелл «Красная степь» (1922) и роман о пионерах авиации «Экипаж» (1923). Далее, в 3-й беседе, пойдет речь о столкновении с Кесселем Алексея Михайловича Ремизова и его жены Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло.

В. Д.: Жорж Санд она советовала?! Боже мой!

А. С.: Да-да, потом Мария Башкирцева, потом Золя *Le Rêve*⁴⁰. Ей эта очень книжка нравилась, и она как бы переживала во мне свое детство, свои увлечения, и она возвращалась к нему. Вообще она... В жизни, мне кажется, у нее были периоды очень разные. И вообще это очень интересно для кого-нибудь исследовать, вообще, как постепенно ее творчество менялось и росло, и также самое ее вкусы литературные. Очень трудно о них что-нибудь сказать, потому что...

⁴⁰ Мария Башкирцева (1858–1884) – русская художница, половину своей короткой жизни прожившая за границей, главным образом во Франции. Известность приобрела благодаря дневнику, который вела с двенадцати лет. «А Марию Башкирцеву я люблю безумно, с безумной болью, – писала Цветаева В. Розанову (7 марта 1914). – Я целые два года жила тоской о ней. Она для меня так же жива, как я сама» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений*: в 7 т. Т. 6. С. 119). «Светлой памяти Марии Башкирцевой» посвящен первый сборник стихов Цветаевой «Вечерний альбом» (1910). *Le Rêve* — «Мечта» (фр.) – роман (1888), 16-й том из 20-томного цикла «Фугон-Маккары». Этот роман Цветаева рекомендует в письме Колбасиной-Черновой и ее дочери (17 ноября 1924): «Я в ужасе от Вашей жизни и жизни Ади (Адя – домашнее имя Ариадны Черновой. – В. Р.). Адя вырастет озлобленной, помяните мое слово. Если бы я умирала, я, раздаривая свои дары, завещала бы ей – высокомерие к людям, уже готовое, без предыдущего этапа ненависти. Ненавидеть людей она будет не меньше, чем я, помяните мое слово, она уже и сейчас объелась людскими низостями. Жить среди благоденствующих *низших* – самоотравление. Мне жаль Адю. Это – характер. В ее глазах – суд. В подростке это – жестоко.
Достаньте ей где-нибудь «*Le Rêve*» Zola, она мнем-то напоминает героиню. Перечтите и Вы – хотя у Вас времени нет – ну, пусть она Вам расскажет. Сновиденная книга» (Там же. С. 690).

В. Д.: В то время, как вы помните.

А. С.: ...потому что у нее всегда менялось, то был очень закономерный какой-то рост. И еще мы с ней очень часто говорили о Диккенсе. Она очень любила Диккенса и знала все персонажи Диккенса, и даже среди наших знакомых мы выискивали... Если вы помните, у Диккенса очень часто парные персонажи: скажем, брат и сестра Мэрдстон, потом Урия Хип и его мать⁴¹ — вот такие, которые именно не по отдельности вы воспринимаете, а именно как парные. И вот среди наших знакомых мы тоже искали именно такие пары и всегда говорили о героях Диккенса как о своих друзьях, как о своих знакомых, вот так.

⁴¹ Эдвард и Джейн, брат и сестра Мэрдстон, Урия Хип и его мать, миссис Хип, – персонажи романа Чарльза Диккенса «Дэвид Копперфильд» (1849–1850). Это одна из самых любимых книг Цветаевой. Анне Тесковой (1872–1954), чешской подруге, писательнице и переводчице, она писала (7 февраля 1938): «Утешаюсь еще Давидом Копперфильдом (*какая книга!*) <...>» (*Цветаева Марина. Спасибо за долгую память любви...: письма к Анне Тесковой. 1922–1939 / предисл., публ. писем и примеч. Галины Ванечковой. М.: Русский путь, 2009. С. 335*).

Вообще в чтении книг Марина Ивановна была не писателем, то есть она меньше оценивала какие-то литературные качества книги (это просто она не читала тех книг, в которых их не было), но ее больше интересовало, что хочет писатель сказать, и ей нужно было полюбить или писателя, или какого-нибудь персонажа. И она воспринимала именно как настоящий читатель, а не как писатель, который ищет, как это сделано, как написано, что, понимаете, она была настоящим читателем, тот, именно, кого писатель

ищет: читатель, который переживает, ищет замысел автора, старается полюбить его героя.

В. С.: Скажи [про] внешний вид Марины Ивановны в это время.

В. Д.: Да.

А. С.: Внешний облик? Она была очень...

В. Д.: Всегда с челкой?

А. С.: Да, всегда с челкой, очень тонкая, хотя и не гибкая, нет. Ее худоба, вернее тонкость, сочеталась с такой выправкой, немножко... как сказать...

В. С.: Не военной, нет, а...

А. С.: Нет-нет.

В. Д.: Немножко чопорной, нет?

А. С.: Нет-нет, совсем нет. Она держалась как-то очень прямо...

В. С.: С корсетом как бы, да?

А. С.: Да, как бы с внутренним корсетом, который ее как бы поддерживал. Она очень много курила, и очень часто сидела облокотившись на колено локтем, и с папиросой во рту.

Когда в обществе она была, она всегда выбирала кого-то одного и разговаривала с ним, как будто других не существовало, хотя на самом деле она адресовалась ко всем другим людям.

В. С.: Лорнет она подносила к глазам.

А. С.: Да, она не носила совершенно очков, хотя была очень близорука.

В. Д.: Очень близорука была?

А. С.: Очень близорука.

” И она считала, что близорукость — это большое счастье, потому что близорукий человек видит лица людей гораздо более красивыми, чем они на самом деле.

Она солнце видит огромным, она удивлялась, что для нас, людей неблизоруких кажется малюсеньким, и просто она сознательно не хотела носить очки и носила лорнет. Но совсем у нее не было такого небрежного жеста, как, скажем, у Гиппиус, да, которая лорнет носила, ну, знаете...

В. Д.: С снобизмом.

А. С.: С снобизмом, да. А у нее это было наоборот. Она это с каким-то очень... она внимательно на что-то смотрела, без того пренебрежительного жеста, какой у нас связывается с лорнетом.

В. Д.: Очень наблюдательно.

А. С.: У нее было очень загорелое, такой темной кожи, лицо и большие темные круги, коричневые, под глазами, отчего глаза у нее, и так светлые, казались очень светлыми.

В. С.: Голубые.

А. С.: Нет, зеленоватые, зеленоватые, но очень светлые, особенно от этих кругов. Волосы тогда только начали седеть, потом уже очень поседели с годами.

В. Д.: Ах, уже начали сесть? Ведь ей было — что же? Ведь ей было тридцать три года.

А. С.: Да-да, потом я видела, как постепенно они сели больше и больше... Она никогда не красилась. И даже говорила, что ни за что не хочет краситься, потому что — это тоже чувство гордости такое — что любой мужчина на улице может подумать, что я это делаю для него.

В. Д.: Ага, понятно.

А. С.: Вообще у нее очень сильно было чувство гордости.

В. Д.: Очень хорошо.

В. С. (подсказывает, о чем надо рассказать): Как читала она стихи.

А. С.: Читала она стихи очень хорошо.

В. Д.: Вы тогда слышали ее стихи? «Поэму Конца»?..

А. С.: Да-да, «Поэму Конца», потом... Вот она очень любила «Переулочки»⁴². В тот период жизни она говорила, что тот, кто не любит моих «Переулочков», тот не любит меня по-настоящему. Может быть, впоследствии она иначе уже как-то... но в тот момент ей особенно близки были эти «Переулочки», которые посвящены Чаброву, человеку, имевшему очень большое влияние на ее жизнь⁴³.

⁴² «Переулочки» – поэма-сказка Цветаевой, написанная в Москве в 1922 г.

⁴³ Алексей Александрович Чабров (наст. фамилия Подгаецкий; 1883 – ок. 1935) – актер Камерного театра, музыкант. Единственный, кто 11 мая 1922 г. провожал Цветаеву с дочерью Ариадной в эмиграцию. В 1923 г. он и сам сумел уехать. В 1927 г. перешел в католичество и стал священником.

«Чабров – мой приятель, – писала Цветаева Илье Эренбургу (7 марта 1922), – умный, острый, впивающийся в комический бок вещей (особенно мировых катастроф!), прекрасно понимающий стихи, очень причудливый, любящий всегда самое неожиданное – и всегда до страсти! Лучший друг покойного Скрябина.

<...> У него памятное лицо: глаза как дыры (гиэна или шакал), голодные и горячие, но не тем (мужским) –бесовским? жаром, отливающий лоб и оскал островитянина» (*Цветаева Марина. Письма 1905–1923* / сост. Л. А. Мнухина (при участии Л. Г. Трубицкой); коммент. его же. М.: Эллис Лак, 2012. С. 438).

Ариадна Эфрон в письме тому же Эренбургу (4 октября 1955) рассказывает о Чаброве: «Мы видели его в последний раз в Париже, в тридцатых с чем-то годах, ожиревшего, в засаленной рясе, с тонзурой. Принял католичество, сделался священником, получил нищий приход где-то на Корсике. Только глаза у него оставались лукавыми, но все равно мы все себя с ним чувствовали очень неловко. Чабров юре! Какой-то последний маскарад. Ужасно! Что это за человеческие судьбы? Что ни судьба – то чертовщина какая-то» (*Эфрон Ариадна. О Марине Цветаевой: воспоминания дочери* / сост. и вступ. ст. М. И. Белкиной; коммент. Л. М. Турчинского. М.: Советский писатель, 1989. С. 250).

В. Д.: Кто?

А. С.: Чабров.

В. Д.: Это я не знаю.

А. С.: Он был москвич, он ходил с нею по Москве, показывал он ей места, где жили хлысты, и, в общем, «Переулочки» — это навеянные каким-то местом, где были радения хлыстовские.

В. Д.: Я и там тоже не понимаю многое.

А. С.: И эти стихи мы очень часто читали. Я читала стихи, и Марина Ивановна любила...

В. С.: Ариадна очень хорошо читала «Молодца», и всякий раз ... Мы жили вместе в одной квартире, уже потом в Париже, и я помню хорошо, что Марина Ивановна сама мне говорила, что «лучшего чтения „Молодца“ я никогда не могла себе представить, как вот...»

В. Д.: Вы участвовали в той эпохе. Также в ту эпоху... жизнь параллельна, и здесь жизнь была насыщена стихами. А вы рядом жили под одной крышей с большим поэтом. Я много тоже знаю наизусть стихов, и они мне врезались тогда. Но вот вы не можете что-нибудь, хоть четыре строчки, привести из того, что вы тогда слышали. Не то, что вот потом...

А. С.: Ну, скажем, тогда я очень дружила тоже с ее дочкой. Вот, скажем:

(читает чуть нараспев)

Голубой колоколенкой

Ты любишь в воздухе.

Голосок твой тоненький,

В ясном куполе звездочки.

Куполок твой золотенький,

Ясны звезды под лобиком,

Голосочек твой тоненький —

Ты сама — колоколенка⁴⁴.

⁴⁴ Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1 / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 431. Стихотворение датировано октябрём 1918 г. (Текст исправлен в соответствии с текстом Собрания.)

В. Д.: Это вот вы тогда слышали, и вы немножко воспроизводите ее интонацию?

А. С.: Немножко.

В. Д.: Только у нее голос был низкий, да?

А. С.: Да, у нее голос был ниже. И она читала немножко менее нараспев, хотя она любила, когда...

В. Д.: Ну, тогда все читали нараспев.

А. С.: Тогда все, да-да. Или вот, скажем, ее «Молодец». Я сейчас попробую прочесть.

В. Д.: Я в руках держу вашу книжку «Ремесло»⁴⁵. Тут много стихов. Ах, что же тут за надпись? «Полудочкам и полусестре».

⁴⁵ Это сборник Цветаевой «Ремесло: книга стихов» (М.; Берлин: Геликон, 1923), подаренный автором Ариадне Сосинской.

А. С.: «Полудочке и полусестре».

В. Д.: «Полудочке и полусестре», то есть это вашей маме и вам?

В. С.: Нет, это ей.

А. С.: Это мне, да, потому что я была недостаточно взрослой, чтобы...

В. Д.: Чтобы быть сестрой, и слишком взрослой, чтоб быть дочкой.

В. С.: Там раньше была надпись: «Ариадне Черновой, полудочке, полусестре...»⁴⁶.

В. Д.: Сняли, что ли?

В. С.: Сняли⁴⁷.

⁴⁶ Полностью надпись выглядела так: ««Ариадне Черновой, полу-дочери, полу-сестре, – Марина Цветаева». Сосинский Владимир. Она была ни на кого не похожа // Воспоминания о Марине Цветаевой / сост. Л. А. Мнухина, Л. М. Турчинского. М.: Советский писатель, 1992. С. 376.

⁴⁷ Некоторый свет на историю с этой дарственной надписью проливает письмо Беллы Ахмадулиной в музей Цветаевых в Тарусе (19 сентября 2005 г.): «Когда В. Б. Сосинский вернулся из эмиграции, мы были с ним в добрых и дружеских отношениях. Он подарил мне книгу “Ремесло”. Его супруги уже не было в живых. Дарственную надпись “Ариадне” он стер, возвышенно надеясь, что я приму этот подарок как символический печальный привет от Марины Ивановны Цветаевой» (Письма Беллы / коммент. Б. Мессерера. М.: Арт Волхонка, 2017. С.78). Б. Мессерер добавляет, что Владимир Борисович «замазал белилами <...> слова, обращенные к Ариадне Черновой, оставив только надпись “Ремесло не есть вдохновение, вдохновение не есть ремесло”» (Там же. С. 80). Из разговора Сосинских с Дувакиным видно, что автограф Цветаевой был препарирован еще при жизни Ариадны Викторовны.

А. С.: (*Читает начало поэмы «Молодец»*)

Синь да сгинь — край села,
Рухнул дуб, трость цела.
У вдовы у той у трудной
Дочь Маруся весела.

Как пойдет с коромыслом —
Церкви в звон, парни в спор.
Дочь Маруся румяниста —
Самой Троице раздор!

Отпусти-ка меня, мать,
С подружками погулять,
Ленку тонкого попрясть,
Здоровьца порастрясть.

Заспалась уж очень-то
Под камнем — руда!
— Гуляй, гуляй, доченька,
Пока молода!⁴⁸

⁴⁸ *Цветаева Марина*. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3 / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 280.

Лето 1924 года мы провели с Мариной Ивановной в деревне недалеко от Праги, деревня Йиловиште. Мы жили в разных домах, но виделись каждый день. Утром Марина Ивановна работала, а после обеда ходила гулять со мной и моей мамой. Она очень любила длинные прогулки и ходила часто с палочкой. Она очень любила такие тонкие длинные палочки, красивые. И ходила гулять целыми часами. Шла она всегда очень быстро. У нее была очень быстрая, стремительная походка. И, гуляя, разговаривала, рассказывала очень много о себе и о книгах. Это было самое любимое ее время в дне, кроме, конечно, творчества, тогда, когда она...

В. Д.: После обеда, да?

А. С.: Да, после обеда... когда она могла уйти от домашнего хозяйства, от всяких дел и гулять и говорить. Вообще, ее стены как будто всегда стесняли, ей хотелось выбраться на волю. И причем она любила гулять с кем-нибудь обязательно. У нее даже были иногда такие люди, с которыми она не так даже дружила, а просто любила ходить, мало разговаривать. Такой был князь Оболенский, молодой человек, очень молчаливый⁴⁹. Она говорила: «Вот я хожу с ним, как с собакой такой верной, и очень люблю с ним гулять».

⁴⁹ Андрей Владимирович Оболенский (1900–1975) – сын князя Владимира Андреевича Оболенского (1869–1950), члена ЦК партии кадетов, депутата Государственной думы 1-го созыва. В 1919–1920 гг. воевал в Добровольческой армии. В 1922–1924 гг. жил и учился в Праге, где и познакомился с Цветаевой. Осенью 1924 г. переехал в Париж, работал маляром. О прогулках с ним Цветаева писала Александру Бахраху (18 августа 1923 г.): «Мой спутник – молоденький мальчик, простой, тихий. Воевал, а теперь учится. Называет мне все деревья в лесу и всех птиц на лету. Выслеживаем с ним звериные тропы. Я не люблю естественных наук, но его с удовольствием слушаю. Он сам – как дикий зверек, всех сторонится. Но ко мне у него доверие. Стихов не любит и не читает» (*Цветаева Марина*. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. С. 598). Двоюродная сестра Андрея Оболенского, Н. А. Винберг, советовала ему написать воспоминания о Цветаевой. «Он отвечал, что у него не получится. Н. А. Винберг: “Но ты же был дружен с Мариной Цветаевой?” – “Да”. – “Вы же много говорили?” – “Я заходил за ней, и мы много гуляли”. – “Гуляли и говорили?” – “Гуляли и... молчали”» (Сообщено Д. А. Мачинским) (Там же. С. 657).

Марина Ивановна очень много о себе рассказывала, о своем детстве, но большинство из этих рассказов потом вошли в ее прозу, так что пересказывать это не имеет смысла. Свои встречи с Волошиным — это все описано⁵⁰, свое детство — тоже, Таруса — это все описано⁵¹.

⁵⁰ См. воспоминания «Живое о живом» (1932).

⁵¹ См. очерки «Мать и музыка» (1934), «Черт» (19 июня 1935), «Мой Пушкин» (1937) и др.

В. Д.: Таруса — да, в очерке есть⁵².

⁵² См. очерк «Хлыстовки» (май 1934), печатавшийся также под редакционным названием «Кирилловны».

А. С.: И вот о Волошине тоже, свое знакомство...

В. Д.: Нет-нет, поройтесь в памяти, может, что-то...

А. С.: ...и встречи с Сергеем Яковлевичем — по-моему, это все описано⁵³.

⁵³ В 1972 г. Сосинский написал мемуарный очерк об Эфроне «А был ли другой Сергей Яковлевич?» (*Сосинский Владимир. Рассказы и публицистика / вступ. ст. С. Б. Сосинского; сост., примеч. А. Б. Сосинского. М.: Российский архив, 2002. С. 109–119*).

О С.Я. Эфроне

В. Д.: О Сергее Яковлевиче в прозе почти ничего нет. Я хотел задать вопрос: а где вообще Сергей Яковлевич в это время был? Почему она одна?

А. С.: Нет, когда она жила в Праге, то он тоже был тут же. Мы часто очень встречались и очень его любили. Он был необычайно очаровательный человек.

В. Д.: Вот о нем расскажите, пожалуйста. Я знал Елизавету Яковлевну⁵⁴, между прочим.

⁵⁴ Е. Я. Эфрон (1885–1976) – сестра Сергея Эфрона; театральный режиссер и педагог, хранительница архива семей Цветаевых и Эфрон. Из всех сестер мужа Цветаева выделяла именно ее. «Солнце семьи» – назовет ее Марина Ивановна (*Эфрон Ариадна. О Марине Цветаевой: воспоминания дочери. С. 46*).

А. С.: Он был редкого совершенно обаяния человек, именно шарман такой, приятный, просто совсем особенный человек, и удивительно дополнял Марину Ивановну. Она была немножко резкая, она была...

” И у него было все как раз противоположное ей, но в том хорошем смысле, когда муж и жена дополняют друг друга. В одном только у них было сходство, к сожалению: это оба были очень непрактичны в жизни, в устройстве своих дел, заработков.

Сергей Яковлевич всегда работал, но всегда работал какой-то общественной... делами занятый, то, что ему не давало никакого заработка. Если он был редактором какого-нибудь журнала, то этот журнал ничего не платил своим сотрудникам. Часто его вызывали для какого-нибудь разбирательства, для какого-нибудь дела, третейского суда, потому что все его любили и очень умели им пользоваться. А в смысле заработка, в смысле помощи Марине Ивановне, к сожалению, он не мог ей этого дать.

В. Д.: А где они познакомились?

А. С.: Они познакомились в Москве. Они познакомились в Москве и очень молодыми женились⁵⁵. Сергей Яковлевич немножко болел, у него были легкие слабые. И он... и должны были они уже жениться, а он еще не кончил гимназии, потому что из-за болезни он не смог. И он очень забавно рассказывал, как он держал свои экзамены выпускные, ему нужно было до свадьбы как-то сделать. И он очень забавно рассказывал, как... в общем, все экзамены он сдал, но один экзамен был ему трудный — это Закон Божий, который тогда требовали. Он совершенно, конечно, ничего не знал, но нужно было что-то сделать. И как он пошел к священнику и стал его уговаривать, что вот я женюсь и вообще, мне нужно сдать и так далее, и что нужно во что бы то ни стало сдать этот экзамен. Тут священник... В общем, он намекал священнику, чтобы тот сказал, что он будет спрашивать на экзамене. И священник взял, открыл книгу и показал ему какие-то листы, а потом захлопнул. И Сергей Яковлевич ему говорит: «О, вы, может быть, забудете, какая страница». Тот страшно на него напустился, рассердился: «Нет, нет, не надо!» И в общем Сергей Яковлевич пришел на экзамен, надеялся, очень хорошо выучив эти страницы, но священник спросил его совсем другое. И Сергей Яковлевич, который вообще очень хорошо рассказывал, необычайно забавно

говорил, как он ему какие-то путешествия Павла... И как первое путешествие Павла нужно рассказать, а он вообще понятия не имел, и как он старался, «плавал» и говорил: «Да, он поехал в одну страну и там он сказал проповедь...» — словом, все не то, что надо! Просто повторить это нельзя, потому что он необычайно смешно это рассказывал. И Марина Ивановна очень любила всегда его слушать.

⁵⁵ Цветаева и Сергей Эфрон впервые встретились в Коктебеле 5 мая 1911 г. Обвенчались 27 января 1912 г. в Москве. Ей было 19 лет, ему 18.

В. Д.: И что же, священник его пропустил?

А. С.: Все-таки как-то пропустили, да. И Марина Ивановна очень любила тоже его рассказы, и были некоторые коронные его рассказы, которые всегда при случае Марина Ивановна просила его рассказать. И она очень была, как сказать, очень занята... с одной стороны, занята собой, очень самоутверждающимся человеком, но она необычайно умела слушать и других людей. Она любила и умела выискивать в человеке самое интересное, самое яркое, и как бы творила, как бы лепила из каждого человека какой-то свой образ. И удивительно умела слушать людей, что редко бывает у людей самоутверждающихся. А у нее это было очень сильно. Потом она очень любила разговоры, именно... (рассказы — это само собой), а разговоры, где велась беседа, где говорили люди, как бы выясняли какой-нибудь вопрос...

В. Д.: Общение.

А. С.: Обще... разговор, такой хороший разговор. Не то, чтобы один рассказывает человек, а другие слушают, а именно разговор, где все время реплики переходят от одного к другому, и где вместе, как бы общими усилиями что-то творчески выясняется или обсуждается.

В. Д.: Вместе думать.

А. С.: Вместе думать, да, и говорить. Вообще, она очень ценила острую реплику, страшно, может быть даже, преувеличено. Для нее были страшно важны те люди, которые умеют какую-то острую реплику сказать и что-то ответить. Вот такие вопросы и такие ответы ее всегда очень восхищали.

Переезд в Париж. Два лагеря эмиграции

В 23-м году мы с моей матерью переехали в Париж.

В. Д.: В 23-м?

А. С.: Да, в конце 23-го мы переехали.

В. Д.: А что же вы о 25-м говорили?

А. С.: Нет, в 23-м.

В. Д.: Значит, вы переехали раньше, чем Марина Ивановна?

А. С.: Раньше, чем Марина Ивановна, и очень долго переписывались⁵⁶. Все письма к моей матери сохранились, и мы передали их в ЦГАЛИ. Мы боялись их хранить дома, мало ли что. Вот, эти письма были переданы. Она писала очень подробно о себе. В это время как раз родился ее сын Мур — Георгий⁵⁷, и жизнь ее стала гораздо труднее, потому что пеленки, все, что связано с ребенком, было ей очень трудно. И особенно при том безденежье, которое у нее было.

⁵⁶ Известны 9 цветаевских писем самой Ариадне Черновой, 37 писем ее матери, Ольге Колбасиной-Черновой, одно письмо им обеим и еще одно им же и Наталье Черновой, единокровной сестре Ариадны (*Цветаева Марина*. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. С. 666–782).

⁵⁷ Мур – Георгий Сергеевич Эфрон – родился в Праге 1 февраля 1925 г.

В. Д.: Это уже третий ребенок: две дочери, и потом он.

А. С.: Да-да, но дочка одна умерла.

В. Д.: Одна умерла.

А. С.: Да-да. Ее младшая дочь, вторая, умерла, в России еще...

В. Д.: Ах, так!

А. С.: ...в России, в эти голодные годы⁵⁸.

⁵⁸ Младшая дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона, Ирина, родившаяся 13 апреля 1917 г., умерла от голода в Кунцевском детском приюте в середине февраля 1920 г.

В. Д.: А старшая — это Аля?

А. С.: Аля. Ариадна.

В. Д.: Это которая вернулась.

⁵⁹ Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975) – старшая дочь Марины Цветаевой и Сергея Эфрона. Вместе с матерью в 1922 г. уехала в эмиграцию. До 1925 г. жила в Чехословакии, в 1925–1937 гг. – во Франции. В Париже закончила школу прикладного искусства и высшую Школу Лувра, изучала изобразительное искусство. Помещала во французских журналах статьи, очерки, переводы, иллюстрации. Писала стихи. 18 марта 1937 г. первой из семьи вернулась на родину. Работала в редакции советского журнала на французском языке Revue de Moscou. 27 августа 1939 г. арестована и приговорена за «шпионаж» к восьми годам лагерей. После освобождения в 1948 г. преподавала графику в Художественном училище в Рязани. Повторно арестована 22 февраля 1949 г. и сослана пожизненно в Туруханский район Красноярского края. Реабилитирована в 1955 г. С 1962 г. член Союза писателей. Переписывалась с Борисом Пастернаком. Написала воспоминания о матери.

Марина Цветаева с дочерью Ариадной. 1924

А. С.: Ее зовут, как и меня — Ариадна. Значит, мы переехали, и вот это была очень интенсивная переписка.

Она описывала свою жизнь, о том, как она, как каторжник, прикована к коляске, что ее прогулки, которые были для нее такой отрадой, теперь почти невозможны, потому что гулять с этой коляской очень трудно. И очень жаловалась она на свою жизнь, на невозможность... у нее не было даже платья, она полнела, как всякая беременная женщина, и ей даже нечего было надеть. Она шутила, что она надевает платье и не знает, сможет ли она его снять с себя или нет, потому что она увеличивается, а платье остается тем же. Заботилась о всяких вещах для ребенка, но тут многие очень ей помогали, друзья: такая была Маргарита Николаевна Лебедева, очень хорошая женщина⁶⁰, потом многие другие, кое-кто из чешских друзей, ей общими силами собрали деньги на коляску, на все вещи, потому что ей все это было бы невозможно сделать, купить.

⁶⁰ М. Н. Лебедева (урожденная баронесса Спенсер; 1880–1958) – врач, жена В. И. Лебедева, одного из редакторов журнала «Воля России». В юности она «была бесстрашной революционеркой» (*Эфрон Ариадна*. О Марине Цветаевой: воспоминания дочери. С. 204). С 1908 г. в эмиграции.
«В их доме никогда не уставали от Марининых бед, нужды, неурядиц, никогда не отстранялись от ее неподъемного таланта и неподъемного характера, *всегда* радовались ей. Это был единственный дом, от которого Марине был доверен ключ – некакой-нибудь там аллегорический, нет, тот самый железный, которым и в отсутствие хозяев можно открыть дверь их квартиры, войти, расположиться, как у себя – лучше, просторнее, спокойнее, чем у себя, – отдохнуть – от себя же. Дружба эта не только длилась без спадов, путь ее шел в гору и достиг наивысшей, дозволенной жизнью, точки в самые тяжелые, самые затравленные эмиграцией годы, непосредственно предшествовавшие Марининому возвращению на родину» (Там же. С. 204–205).

И она очень мечтала о приезде в Париж. Моя мама долго думала о том, как бы это устроить. Мы хотели ей найти хоть какую-нибудь возможность — там были богатые люди, которые давали какие-то стипендии или помощь писателям, но ничего этого не удалось устроить. И Марина Ивановна все-таки приехала в Париж и остановилась у нас на квартире первое некоторое время⁶¹. В это время ее муж уже сошелся с кругом евразийцев — такое было течение — евразийцев⁶²...

⁶¹ Почти полгода Цветаева прожила в квартире семьи Ольги Колбасиной-Черновой на четвертом этаже в доме 8 по улице Руве. «Квартал, где мы живем, ужасен, – писала Цветаева Тесковой (7 декабря 1925 г.), – точно из бульварного романа “Лондонские трущобы” (под этим названием в 1924 г. в СССР в русском переводе вышла книга Джека Лондона «Люди бездны». – В. Р.). Гнилой канал, неба не видать из-за труб, сплошная копоть и сплошной грохот (грузовые автомобили). Гулять *нигде* – ни кустика. Есть парк, но 40 мин<ут> ходьбы, в холод нельзя. Так и гуляем – вдоль гниющего канала» (*Цветаева Марина*. Спасибо за долгую память любви... письма к Анне Тесковой. 1922–1939. С. 46).

⁶² Евразийство – философско-политическое течение, зародившееся в начале 1920-х гг. в Болгарии в среде русских эмигрантов, искавших сближения с брошенной родиной. Его идеи нашли приверженцев в Берлине, Праге, Варшаве и других европейских столицах. Центром евразийства стал Париж. Евразийской ориентации придерживался журнал «Версты» (1926–1928). Выразителем евразийства стал еженедельник «Евразия» (о нем см. примечание 165). Евразийцы исходили из того, что у России особый путь, и в противовес непримиримой эмиграции склонялись к принятию большевистского эксперимента как варианта этого пути. Муж Цветаевой Сергей Эфрон от увлечения евразийством дошел в начале 1930-х гг. до прямой работы на НКВД с участием в политических убийствах.

В. Д.: У них центр был где-то в Болгарии, да?

А. С.: Нет, нет, это были евразийцы: Сувчинский⁶³ был, потом Святополк-Мирский, который из Лондона...

⁶³ Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) – музыковед и музыкальный критик, философ, публицист, один из основателей евразийства. С 1918 г. за рубежом. Вместе с Дмитрием Святополк-Мирским и Сергеем Эфроном редактировал журнал «Версты». Дружил с Сергеем Прокофьевым, Игорем Стравинским, Алексеем Ремизовым, Львом Карсавиным; переписывался с Горьким, Цветаевой, Пастернаком, пианисткой Марией Юдиной. Побывав в Советском Союзе в 1937 г., был обескуражен здешней культурной политикой, но только в 1946 г. окончательно отказался от возвращения на родину. Если после рождения Мура в Праге судачили о том, что он сын не Сергея Эфрона, а Константина Родзевича, то Саломея Андроникова, адресат 125 писем Цветаевой, в письме ее биографу Виктории Швейцер (6 декабря 1979 г.), вспоминая свое первое посещение Марины Ивановны, намекает на иную родословную мальчика: «Она кормила грудью Мура. У него была такая громадная голова (с лицом), что я подумала: “Марина кормит грудью Сувчинского, чрезвычайно уменьшенного”. Сувчинский был очень большого роста с соответственно большим лицом. А по цвету оба (Мур и Сувч.) были одинаковы» (*Швейцер Виктория*. Быт и бытие Марины Цветаевой. М.: Интерпринт, 1992. С. 519).

В. Д.: Который потом приехал...

А. С.: Приехал в Советский Союз⁶⁴.

⁶⁴ Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) – литературовед, литературный критик, публицист. Из княжеского рода. В Гражданской войне был на стороне белых. С 1920 г. в эмиграции. В 1921–1932 гг. жил в Лондоне. Преподавал в Школе славянских исследований Королевского колледжа при Лондонском университете. Издал двухтомную «Историю русской литературы» (на английском языке). Участвовал в евразийском движении. Был горячим приверженцем поэзии Цветаевой. В 1926 г. организовал ее приезд в Лондон и выступления с литературными чтениями. В конце 1920-х гг. перешел на марксистские позиции, в 1931 г. вступил в компартию Великобритании. В 1932 г. при содействии Горького переехал в Советский Союз. С 1934 г. член Союза советских писателей. Галина Козловская, восторженная слушательница его лекций в Лондоне, прочитав изданную в Москве в 1978 г. его книгу, писала Сосинскому (30 января 1979 г.): «Это не он – тот блистательный умница, тот парящий и свободный человек, проникавший сердцем в самые глубины искусства, каким я его помнила. Я не знаю примера более глубокого падения, более страшного самопредательства. На какие только духовные извращения не способны мы, русские; и чем древнее кровь, тем низость беспримечней. Сергей Яковлевич Эфрон искупал свои грехи чужой кровушкой, Святополк на глазах у всех оторекся от себя, от своей сути, от своей души. Какое угодничество, какое пресмыкательство, какая речь – паскудная гнусная жвачка слов ширпотребного вульгаризаторства! Он ничего не стыдится! Как он сразу учуял и полпыл по вонючему фарватеру тех дней, не сохранив ни капли достоинства, ни капли самоуважения. Всё: и знак равенства между Тихоновым и Пастернаком (потому что первый – влиятельная персона), и извращенная ужимка – упаси Бог сказать “золотой фонд литературы”, непременно “железный фонд”, – и прочие мерзости...<...> Еще на одну прекрасную иллюзию стало меньше. Просто вдребезги. И подумать только, ради чего он предал себя!» (Козловская Галина. Шахерезада: Тысяча и одно воспоминание / сост. Татьяны Кузнецовой и Натальи Чудовой; предисл. Натальи Громовой. М.: АСТ: редакция Елены Шубиной, 2015. С. 292–293). Увы, даже предательство не помогло выжить. Заподозренный в шпионаже, Мирский (так он укоротил свою фамилию в СССР) был приговорен к восьми годам лагерей и через два года умер под Магаданом.

В. Д.: Встречал я его. Святополк-Мирский был потом очень связан с Горьким. Ему Горький...

А. С.: Да-да. Он был очень интересный человек, очень!

Марина Ивановна устроилась в Париже. Первое время она жила у нас, потом она наняла квартиру где-то за городом и поселилась в Париже. Но жизнь там была ей гораздо труднее. Поначалу мы ей устроили вечер. Многие писатели русские устраивали вечера и продавали на них билеты — это давало довольно большую... Нанимался зал, и то, что оставалось от этих билетов, когда покрывали расходы, — все это шло на жизнь. И вот Марине Ивановне устроили. Вечер имел огромный успех, ее первый вечер, к нему готовились, но я не была, я была тогда больна, так что на самом вечере я не была, но помню приготовления. Мы шили платье ей, потому что ей нужно было в чем-то появиться. И вечер с очень большим успехом прошел.

В. Д.: Непосредственно в самом Париже?

А. С.: В самом Париже, да. Нанималась какая-то зала в <нрзб> или «Лютеция», вот две этих залы⁶⁵, не помню, в которой это было, и было очень много народу.

⁶⁵ Вечер прошел 6 февраля 1926 г., но не в зале гостиницы «Лютеция», как рассчитывала Цветаева, а в капелле на улице Данфер-Рошро, 79, в помещении Союза молодых писателей и поэтов. Наплыв публики был такой, что до трехсот человек не смогли даже протиснуться в зал. На следующий день Сосинский писал будущей жене, Ариадне Черновой: «Весь вечер – апология М<арины> И<вановны>. Большой, крупный успех. Отчетливо проступило: после Блока – одна у нас – здесь – Цветаева» (цит. по: Саакянц Анна. Жизнь Цветаевой: Бессмертная птица-феникс. М.: Центрполиграф, 2000. С. 460).

Но вообще отношение к Цветаевой и Ремизову было среди эмиграции довольно плохое, потому что вся эмиграция тогда раскололась на два течения: правое, где были Бунин, Зайцевы* — те, которые абсолютно не признавали Советского Союза, и Марина Ивановна и Ремизов, которые читали все, конечно, советские книги, всех писателей. А для Бунина, скажем, они просто не существовали, хотя бы уже потому, что это было написано по новой орфографии, которую эмиграция очень долго вообще не признавала**.

⁶⁶ Борис Константинович Зайцев (1881–1972), писатель, и заодно его жена Вера Алексеевна Зайцева (1878–1965), дочь А. В. Орешникова (1855–1933), нумизмата и сфрагиста, археолога, историка, члена-корреспондента АН СССР, сотрудника Исторического музея с его основания в 1883 г. О жизни и быте Зайцевых в эмиграции см.: Вера жена Бориса: дневники Веры Алексеевны Зайцевой 1937–1964 / сост., вступ., подгот. текста, коммент. О. А. Ростовской. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2016.

⁶⁷ «Невежда и хам ни с того ни с сего объявил заборную орфографию: опять покоряйся, пиши по ней! Я отвечаю: не могу, не хочу – уже хотя бы потому, что по ней написано за эти десять лет все самое низкое, подлое, злое, лживое, что только есть на земле» (Бунин И. А. Записная книжка: (по поводу критики) // Возрождение. 1926. 28 октября. № 513. С. 3–4).

В. Д.: А что Бунин, значит, был в одной компании, скажем, с Мережковским?

А. С.: Мережковский? Ну да.

В. Д.: И не брезговал?

А. С.: Да-да, ну все-таки он был ближе к ним.

В. Д.: Правильно ли будет... простите, я вас перебеью...

А. С.: Пожалуйста.

В. Д.: ...правильно ли будет сказать так, что в общем бунинская компания — это была, так сказать, в смысле политическом, монархически-кадетская, близкая по степени «Новостям» Струве (*поправляется*) Милюкова⁶⁸ и... У Струве была газета «Возрождение»⁶⁹, да?

⁶⁸ Имеется в виду леворадикальная, самая популярная и влиятельная газета русской эмиграции «Последние новости» (Париж; 1920–1940), которую с 1921 г. возглавлял П. Н. Милюков (1859–1943) – историк, политик и публицист, один из лидеров партии кадетов, депутат III и IV Государственных дум, министр иностранных дел Временного правительства в марте – мае 1917 г. Из упомянутых выше писателей на литературной странице «Последних новостей» печатались Иван Бунин, Борис Зайцев, Дмитрий Мережковский, Алексей Ремизов. Цветаеву перестали печатать после того, как она поместила в парижской газете «Евразия» (24 ноября 1928 г.) приветствие Владимиру Маяковскому.

⁶⁹ Умеренно консервативную монархическую газету «Возрождение» (Париж; 1925–1940) в 1925–1927 гг. редактировал П. Б. Струве (1870–1944) – политик, экономист, публицист, историк, социолог, философ, прошедший путь от марксизма к идеализму и либеральному консерватизму. С 1906 по 1918 г. выпускал в Москве журнал «Русская мысль». Был инициатором и одним из авторов сборника «Вехи» (1909), редактором и одним из авторов сборника «Из глубины» (1918). В мае 1917 г. избран академиком Российской академии наук. Деятельно участвовал в антибольшевистском сопротивлении. В Советской России был приговорен к смертной казни. В эмиграции с 1920 г. Помимо «Возрождения», редактировал газеты «Россия» (1927–1928) и «Россия и славянство» (1928–1934). Журнал «Русская мысль» возобновил сначала в Софии (1921), следом в Праге (1922–1923), затем в Берлине (1923–1926) и наконец в Париже (1927). В 1926 г. был организатором и председателем Российского зарубежного съезда (Париж), призванного сформулировать задачи русской эмиграции.

А. С.: «Возрождение», да, а потом «Современные записки».

⁷⁰ «Современные записки» – толстый литературный журнал русской эмиграции (Париж; 1920–1940). Помимо писателей, печатал литературных критиков, а также философов, историков, социологов, педагогов, общественных, церковных и военных деятелей. Всего вышло 70 номеров журнала.

В. Д.: «Современные записки», да. А вот, так сказать, левая — это была, так сказать, эсеровская, отчасти меньшевистская?..

А. С.: Это «Воля России».

В. Д.: «Воля России», «Социалистический вестник»⁷¹.

⁷¹ «Социалистический вестник» (1921–1965) – журнал, основанный в Берлине Юлием Мартовым (1873–1923), одним из лидеров меньшевиков, начинавшим вместе с В. И. Лениным, размежевавшимся с ним на II съезде РСДРП и первым употребившим термин «ленинизм». Мартов отрицательно отнесся к Октябрьской революции, вместе с делегацией меньшевиков ушел со II съезда Советов, осудил разгон Учредительного собрания. С 1920 г. в эмиграции. Из Берлина «Социалистический вестник» переместился сначала в Париж, затем в Нью-Йорк. Вокруг журнала сформировался эмигрантский партийный центр РСДРП (меньшевики), получивший название Заграничной делегации.

А. С.: «Социалистический...», да-да. Но тут, скорее, была разница не политическая, а тут такой очень сильный как бы водораздел — это признание советских писателей, советской культуры или полное его отрицание, вот это было.

В. Д.: Это писательский подход, так сказать?..

А. С.: Писательский, да-да.

В. Д.: Кого же вы встречали там из писателей? Бунина встречали?

А. С.: Бунина встречали, даже позднее немного, Зайцева мы встречали. Зайцев — очень милый человек. Как писателя я его совсем не ценю, но...

В. Д.: Я читал одну его книжку мемуаров.

А. С.: Да. Он очень сладкое такое... Но человек он очень хороший, и у него очень интересная жена была — Вера Алексеевна, необычайно... Насколько он такой весь сладкий и акварельный, настолько она была

резкая, яркая, умела сказать такое слово соленое и... очень интересный человек. Вот их мы встречали. Но у Мережковских мы не бывали, потому что для нас это была просто настолько правая среда, что для нас это было просто невозможно бывать. Там у них собиралось очень много людей, очень часто бывали собрания, так называемая «Зеленая лампа»⁷², но мы никогда там не бывали. Хотя многие из наших друзей, вот, скажем, Поплавский⁷³, был такой поэт Гингер⁷⁴ — они все бывали. Но мы как раз, вот, Андреев⁷⁵, Сосинский, и мы были очень далеки от этого.

⁷² «Зеленая лампа» (1927–1939) – литературно-философское общество, собиравшееся по воскресеньям главным образом на квартире Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус. Обсуждались самые жгучие вопросы: «Русская литература в изгнании», «Русская интеллигенция как духовный орден», «Есть ли цель у поэзии?», «Умрет ли христианство?», «Отчего нам стало скучно?» и др. Среди завсегдатаев были Марк Алданов, Иван Бунин, Борис Зайцев, Алексей Ремизов, Надежда Тэффи. В прениях участвовали Николай Бердяев, Константин Мочульский, Георгий Федотов, Лев Шестов и др.

⁷³ Борис Поплавский (1903–1935) – поэт и прозаик, целиком сложившийся в эмиграции. Участвовал в объединении «Кочевье». Впервые его стихи, впитавшие опыт новой русской поэзии и французского авангарда, были опубликованы в 1928 г. в журнале «Воля России». С 1929 г. он постоянно печатается в «Современных записках». Единственный прижизненный сборник стихов – «Флаги» (1931). Романы «Аполлон Безобразов» (1926–1932) и «Домой с небес» (1934–1935) полностью напечатаны лишь в 1993 г. С легкой руки Николая Оцуца, к Поплавскому приклеился титул «царства монпарнасского царевич».

⁷⁴ Александр Гингер (1897–1965) – поэт, муж поэтессы Анны Присмановой (1892–1960). С 1921 г. в эмиграции. Как и Поплавский, входил в объединение «Кочевье». Уже в 1922 г. в Париже издал свою первую книгу «Свора верных». А всего вышло пять его поэтических сборников (последний в год смерти). Работал бухгалтером в химической компании, которой управлял его дядя. В 1946 г. вместе с женой принял советское гражданство.

⁷⁵ Вадим Леонидович Андреев (1902–1976) – поэт и прозаик, старший сын Леонида Андреева, настолько популярного в свое время, что в первом паспорте Вадима Андреева, полученном в Финляндии, в графе «профессия» стояло: «Сын писателя Леонида Андреева». Летом 1921 г. эвакуировался в Константинополь. Входил в Берлинскую литературную группу «4+1» вместе с Присмановой и Сосинским. В 1924 г. переехал в Париж, женился на Ольге Викторовне Черновой-Федоровой, единоутробной сестре Ариадны Сосинской. Входил в «Кочевье». Был в дружеских отношениях с Цветаевой. Участвовал во французском Сопротивлении. Из тюрьмы был выпущен в обмен на немецких военнопленных. В 1946 г. получил советский паспорт, а с 1957 г. и право приезжать в Советский Союз. С 1949 г., поселившись в Нью-Йорке, Андреев работал в ООН. А с 1959 г. уже в Женеве был представителем СССР в издательском отделе ЮНЕСКО. По просьбе Александра Солженицына 31 октября 1964 г. в московском аэропорту перенес через границу в боковом кармане пиджака алюминиевую капсулу, чуть побольше пинг-понгового мяча, с фотопленками всего, что написал Александр Исаевич за 18 лет, – от лагерных стихов до романа «В круге первом». Спросив, не сын ли он Леонида Андреева, таможенник отвлекся от досмотра ради разговора.

Знакомство с Бальмонтом

В.Д.: А где был Бальмонт тогда? Ведь он был в Париже.

А.С.: В Париже. Как раз, когда мы ехали в Париж, Марина Ивановна мне сказала: «Обязательно познакомьтесь с Бальмонтом».

В.Д.: Бальмонт?

А.С.: Бальмонт. Он себя называл так — Бальмонт.

В.Д.: Я записал Нину Константиновну⁷⁶.

⁷⁶ Запись беседы В. Д. Дувакина с Н. К. Бальмонт-Бруни хранится в собрании Отдела устной истории НБ МГУ ед. хр. 83, 84, 126, 127, 127а.

А.С.: Да-да, и как раз его дочка, примерно моего возраста, мы с ней очень подружились.

В.Д.: С Ниной Константиновной или другой?

А.С.: Нет-нет, с другой — Мирра⁷⁷.

⁷⁷ Мирра Константиновна Бальмонт (в замужестве Бойченко, во втором браке Аутина; 1907–1970). Стихи печатала под псевдонимом Аглая Гамаюнова.

В.Д.: Мирра, которая в Париже. Она сейчас тяжело больна, кажется.

А.С.: Да? Ах, она несчастный очень человек.

В.Д.: Это уже от третьего брака.

А.С.: Елена Константиновна — его жена, я не знаю ее фамилии.

⁷⁸ Третья жена – Е. К. Цветковская (1880–1942). Когда Бальмонт познакомился с нею, она была студенткой Сорбонны и боготворила его. Насмешница Тэффи уверяла, что «Елена никогда не называла его мужем. Она говорила “поэт”. Простая фраза – “Муж просит пить” – на их языке произносилась, как “Поэт желает утоляться влагой”» (Тэффи Н. А. Бальмонт // Воспоминания о серебряном веке / сост., предисл. и коммент Вадима Крейды. М.: Республика, 1993. С. 78).

В. Д.: Это уже третья.

А. С.: Третья, да. Бальмонт был тогда очень забавный. Он уже очень постарел, но было в нем такое сияние, как в молодости. И он был очень одинок, конечно, уже никто его особенно не любил и не почитал, и он немножко напоминал, особенно последние годы, но это уже годы войны, короля Лиры: он ходил растрепанный, с такими волосами... Но человек он был очень забавный, очень интересный и во многом даже смешной. Он продолжал — уже совсем старый человек — к женщинам у него было, ко всем, восторженное отношение: от шестидесяти до шестнадцати лет, все женщины... во всех влюблялся в ту же секунду, всем говорил нежные вещи... И какой-то своей прежней женщине, которой когда-то он восхищался, уже старой совсем женщине, поблекшей, помню, у нее черным чем-то перевязан глаз, он: «Вы мой черный брильянт!». (Усмехаются.) Жил он довольно тоже бедно, как и все, но жена очень за ним ухаживала и старалась всячески его отвлечь от пьянства. Он очень много пил, к сожалению.

В. Д.: Пил, да?

А. С.: И если он выпивал и уходил как-то из-под ее контроля, он бежал и на улицах разговаривал и иногда начинал проповедовать, говорить что-то французам, ну, в общем, он что-то такое — и жалкое, и...

В. Д.: Внушающее симпатию?

А. С.: Да, внушающее симпатию.

В. Д.: И сочувствие.

А. С.: Да-да, что-то от короля Лиры именно такое в нем было. Марина Ивановна его очень любила, была с ним на «ты». Он звал ее Марина⁷⁹. Между прочим, вот Марина Ивановна... Сейчас ее все называют Марина. Она ужасно этого не любила. Только старые ее друзья, ну, конечно, муж и дочка — она никогда ее не называла «мама», всегда — «Марина». Но она очень не любила, когда посторонние люди ее называют Мариной. И даже мы, которые были очень дружны, всегда говорили «Марина Ивановна». Она говорила: «Что это за неуважение? У меня же есть отчество. Почему меня всегда называют Мариной?»

⁷⁹ Восторженное «Слово о Бальмонте», датированное 15 апреля 1936 г., Цветаева прочитала 24 апреля на благотворительном вечере, приуроченном к 70-летию поэта.

В. Д.: Что это некоторая богемность.

А. С.: Богемность, да-да. Этого она не любила.

В. Д.: А значит, она все-таки очень от богемности отталкивалась.

А. С.: Отталкивалась. А Бальмонт, конечно, ее называл Мариной. Знал ее очень давно.

В. Д.: И она это терпела?

А. С.: Терпела, да-да, но это старые друзья, это другое дело.

В. Д.: Ну, потом он же старше ее, он ей в отцы годится.

А. С.: Старше, конечно, да-да.

В. Д.: Он 67-го года.

А. С.: Он, можно сказать, был вне этих делений. Он просто жил сам собой, своим опьянением, своими стихами. Последние стихи его были очень слабые, хотя иногда попадались некоторые строчки очень хорошие. Но, в общем-то, конечно, они совершенно были уже устаревшие, и мало кто их в эмиграции любил. В это время уже было новое поколение: был Поплавский, который очень талантлив, потом Гингер,

Присманова такая, Божнев⁸⁰, Вадим Андреев — в общем целое такое талантливое поколение молодых, которые, конечно, Бальмонта совсем не признавали.

⁸⁰ Борис Божнев (1898–1969) был отправлен в Париж на учебу, но, вынужденный зарабатывать на жизнь перепиской нот, ни временем, ни средствами на вузовское обучение не располагал. Печатать стихи начал в 1920 г. Первая книга с парадоксальным названием «Борьба за несуществование» (1925) шокировала публику нарочитым антиэстетизмом, но подкупала знатоков поэзии несомненным мастерством. Через два года вышел сборник восьмистиший «Фонтан», поощрительно отмеченный такими строгими судьями, как Георгий Адамович и Владимир Набоков.

О встречах с Цветаевой в Париже. О Маяковском

А. С.: Потом мы встречались очень близко, но это уже особая тема, — с Ремизовым⁸¹. И судьба Ремизова и Цветаевой была похожа в эмиграции, их обоих (*провал в записи*) просто надо было поддерживать их, знали, что материально им трудно, но их вещи считались абсолютно непонятными, и Цветаеву совершенно не понимали. Скажем, Милюков ее печатал, но так, потому что надо было, а в общем-то очень она была... казалась всем непонятной, так что... Теперь это трудно понять, почему, как это случилось.

⁸¹ Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) – один из самых ярких стилистов в русской литературе, выдумщик и фантазер. С 1921 г. в Германии, с 1923-го во Франции. Из написанного в эмиграции наиболее известны его автобиографические сочинения о жизни в Петербурге и революции «Взвихренная Русь: дневник 1917–1921 гг.» (1927) и «Подстриженными глазами: книга узлов и закрут памяти» (1951). В стремлении к абсолютной творческой свободе Ремизов затеял причудливую игру в Обезьянью Великую и Вольную Палату. В конце жизни получил советское гражданство. В письме IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей (16 мая 1967) Солженицын предрек: «...не избежать когда-то “признать” и Замятина и Ремизова» (*Солженицын Александр*. Бодался телёнок с дубом: очерки литературной жизни // Он же. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. М.: Время, 2018. С. 626).

В. Д.: Но это часто так бывает. Простите, Ариадна Викторовна, а вы в это время, в 28-м году... Не встречались тогда с Мариной Ивановной?

А. С.: Да, мы встречались.

В. Д.: Вот когда она была в Париже, вы жили уже врознь, но вы с ней встречались?

А. С.: Встречались, часто, да.

В. Д.: А она вам ничего не рассказывала о ее письме Маяковскому?⁸²

⁸² В этом письме Цветаева сообщает (3 декабря 1928 г.), что после того, как она поместила в газете «Евразия» приветствие Маяковскому, ее перестали печатать в «Последних новостях» (газете Милюкова) – единственном издании, где еще печатали. Впервые письмо Цветаевой было напечатано в кн.: *Катанян В.* Маяковский: литературная хроника. М.: ГИХЛ, 1956. С. 367.

А. С.: Да, она очень переживала это и...

В. Д.: «Вот там вы, вот там я...»⁸³ Вы это знаете?..

⁸³ У Цветаевой: «Вот Вам Милюков – вот Вам я – вот Вам Вы» (*Цветаева Марина*. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. Письма / сост., подгот. текста и коммент. Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1995. С. 350).

А. С.: Да-да, я знаю.

В. Д.: Я это письмо знаю с 30-го года. Оно было на выставке Маяковского⁸⁴. Я его копировал, публиковал и так далее.

⁸⁴ Маяковский поместил это письмо на своей выставке «20 лет работы» (1930). При возобновлении выставки к 80-летию поэта был выпущен сборник «Маяковский делает выставку» (М.: Книга, 1973), в котором письмо Цветаевой воспроизведено (С. 31).

А. С.: И как раз ее выступления о Маяковском очень озлобили против нее эмиграцию, потому что считалось, что... как, она переписывается с Маяковским, она защищает его... Потому что все, что исходило из Советского Союза, для правой части эмиграции было вообще что-то ужасное. И на нее как раз очень нападали за это.

В. Д.: Ну, а у вас с ней... вы от нее никогда не слышали каких-нибудь отзывов, разговоров о Маяковском?

А. С.: О Маяковском специально — нет, я не помню, она читала стихи, и очень любила...

В. Д.: Его, да?

А. С.: Нет, те стихи, которые помещены в «Ремесле» — о Маяковском. «Превыше крестов и труб...»⁸⁵

⁸⁵ Стихотворение «Маяковскому» (18 сентября 1921). По свидетельству А. С. Эфрон, «первое свое стихотворение Маяковскому – “Превыше крестов и труб...”, написанное в 1921 году, <Цветаева> читала ему в Москве, вспоминала, что понравилось» (*Эфрон Ариадна. О Марине Цветаевой: воспоминания дочери.* С. 140).

В. Д.: «Здорово, в веках Владимир!»?

А. С.: Вот эти.

В. Д.: Но это уже посмертное.

А. С.: Это после смерти? Нет, неужели после смерти? Нет...

В. Д.: Ах, в «Ремесле»!

А. С.: В «Ремесле». «Он грузчик, и он же конь...»⁸⁶

⁸⁶ Правильно: «Он возчик и он же конь».

В. Д.: Прочтите мне эти стихи, нашли их, да?

А. С.: Да.

В. Д.: Пожалуйста.

А. С.:

Превыше крестов и труб,
Крещенный в огне и дыме,
Архангел-тяжелоступ —
Здорово, в веках Владимир!
Он возчик и он же конь,
Он прихоть и он же право.
Вздыхнул, поплевал в ладонь:
— Держись, ломовая слава!
Певец площадных чудес —
Здорово, гордец чумазый,
Что камнем — тяжеловес
Избрал, не прельстясь алмазом.
Здорово, булыжный гром!
Зевнул, козырнул — и снова
Оглоблей гребет — крылом
Архангела ломового⁸⁷.

⁸⁷ *Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2 / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 54–55.*

В. Д.: Скажите, это где было первый раз напечатано?

А. С.: Это было напечатано в «Ремесле».

В. Д.: Прямо в «Ремесле»?

А. С.: Да.

В. Д.: «Ремесло» вышло в каком году?

А. С.: В 23-м году.

В. Д.: В 23-м году? И потом вы слышали, как она читала стихи?

А. С.: Читала стихи.

В. Д.: Не публично, а просто так?

А. С.: Просто так, да.

В. Д.: Просто так, друзьям?

А. С.: Друзьям, да.

В. Д.: А вы сами тогда Маяковским интересовались?

А. С.: Очень! Конечно, ну как же могло быть иначе! И мы видели и слышали его, когда он приезжал в Париж, он выступал там, было очень много людей.

В. Д.: Вы с мамой были?

А. С.: Нет, я была уже с Владимиром Брониславовичем, наверное.

В. Д.: Простите, 29-й год. Ведь он же приезжал и раньше⁸⁸.

⁸⁸ Впервые Маяковский побывал в Париже в ноябре 1922 г.

А. С.: Он? Я не помню, вот, насчет годов, к сожалению...

В. Д.: Нет, но вы с мамой-то были или одна? Скажем, основные выступления как раз в 25-м году еще были.

А. С.: Ну, вероятно, это и был 25-й год.

В. Д.: А что вы?.. Я его само собой спрошу. А что вы помните из его выступлений?

А. С.: Просто необычайную его фигуру, необычайный голос, те реплики, которые он бросал в толпу, и то необычайное впечатление какой-то величины необычайной, силы голоса.

В. Д.: А что из стихов? А вы читали его сами?

А. С.: Да, конечно!

В. Д.: Что вы читали?

А. С.: Что я читала? Главным образом, «Флейту-позвоночник», конечно⁸⁹.

⁸⁹ «Флейта-позвоночник» (1915) – поэма. При жизни автора отдельное издание вышло лишь однажды – в феврале 1916 г. (Пг.: Взял).

В. Д.: «Флейту-позвоночник» читали?

А. С.: Да, у меня была «Флейта-позвоночник».

В. Д.: Вы ее привезли из России?

А. С.: Нет, по-моему, это тогда — будто издательство или Гржебина или «Геликон»⁹⁰ — я не знаю, не помню.
<нрзб> Вы знаете, тогда очень много издавалось вещей Гржебиным таким.

⁹⁰ Зиновий Исаевич Гржебин (1877–1929) – художник и издатель. В 1919 г. основал в Петрограде «Издательство З. И. Гржебина». В 1921 г. открыл его филиал в Берлине. Среди авторов, книги которых он сумел выпустить в 1922–1923 гг. (до своего банкротства), Максим Горький, Андрей Белый, Сергей Есенин, Борис Пастернак, Алексей Ремизов, Владислав Ходасевич, А. П. Чехов. У Гржебина вышел сборник Цветаевой «Психея. Романтика» (1923). Но Маяковского он не издавал. Издательство «Геликон», основанное Абрамом Григорьевичем Вишняком (1895–1943) в Москве в 1918 г., с сентября 1921 г. возобновило работу в Берлине. В «Геликоне» у Цветаевой вышли книги «Разлука» (1922) и упомянутое раньше «Ремесло» (1923). Вишняку Цветаева посвятила цикл стихотворений «Отрок» (25–30 августа 1921). Первоначально к нему были обращены стихотворение «Есть час на те слова...» (11 июня 1922) и цикл «Земные приметы» (15 июня – 31 июля 1922 г.). Девять писем Цветаевой Вишняку с одним его ответным письмом составили основу цельной вещи, по цветаевскому определению, «написанной жизнью» (1932). Ариадна Эфрон дала ей название «Флорентийские ночи». Маяковского «Геликон» не печатал.

В. Д.: Ведь я, кажется, знаю все издания Маяковского, но я... «Флейта-позвоночник», вообще, была издана отдельным изданием только один раз, и как раз в 16-м году, в 15-м даже, еще в Петербурге старом. Но может быть, Гржебин издал какого-нибудь еще избранного Маяковского?

А. С.: Ну вот, я только помню, что это называлось «Флейта-позвоночник», книжечка небольшая.

В. Д.: И вы ее читали?

А. С.: Да-да.

В. Д.: А наизусть не помните ничего? Вы очень интересно читаете стихи. Текста у вас под руками нет?

А. С.: Нет. Я помню его «Париж»⁹¹. Я даже выступала когда-то, читала его «Париж». Вы помните?

⁹¹ Имеется в виду цикл из восьми стихотворений «Париж» (1924–1925).

В. Д.: «Обшарпан...»

А. С.: Нет-нет. *(Начинает читать, местами читает вместе с Дувакиным.)*

Билет —

щелк.

Щека —

чмок.

Свисток —

и рванулись туда мы,

куда,

как сельди,

в сети чулок

плывут

кругосветные дамы⁹².

⁹² *Маяковский Владимир. Еду // Он же. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 6 / подгот. текста и примеч. И. С. Эвентова. М.: ГИХЛ, 1957. С. 197.*

И потом кончается:

Я хотел бы

жить

и умереть в Париже,

если б не было

такой земли —

Москва⁹³.

⁹³ *Он же. Прощанье // Там же. С. 227.*

В. Д.: И это «хвatalo», так сказать?

А. С.: Да-да, «хвatalo», и это мы читали как раз даже на публичных выступлениях, хотя эмигранты очень... принимали это плохо. Там, знаете, насмешка над эмигрантами, над кафе, где эмигранты говорят, помните, о Маяковском⁹⁴.

⁹⁴ «Тут проходил Маяковский давеча, хромой – не видали рази?» и т.д. (*Он же. Прощание (Кафе) // Там же. С. 224–225.*)

В. Д.: Да-да.

А. С.: Вот эти вещи.

В. Д.: Значит, вы это все... Для вас это все живо.

А. С.: Живо, конечно, конечно. Я, вот, помню, что мы публично читали, и даже шикали и свистали, потому что это...

В. Д.: А где это? А кто вы? Вот вы говорите «мы». Учились вы?

А. С.: Нет-нет. Это было маленькое объединение, которое называлось «Кочевье»⁹⁵.

⁹⁵ «Кочевье» (1928–1939) – молодежное литературное объединение, собиравшееся по четвергам в «Таверне Дюмениль» (Taverne Dumesnil) на Монпарнасе. Руководил им Марк Слоним (1894–1976) – писатель, публицист, литературовед, журналист, педагог. Студийцы обсуждали сочинения своих коллег, книги эмигрантов старшего поколения, новинки советской литературы. У самых интересных молодых авторов была возможность печататься в журнале «Воля России», откуда открывался путь в «Современные записки».

В. Д.: «Кочевье»?

А. С.: «Кочевье». Там был Ладинский⁹⁶, вот Сосинский, Андреев, Поплавский, ну, вот, вся молодая литература, которая не принадлежала к Мережковс... к толку Мережковских, если можно так сказать.

⁹⁶ Антонин Ладинский (1895–1961) – поэт и исторический писатель. Прапорщик на Германской войне, он в чине поручика воевал в армии Деникина. Был ранен в ногу и эвакуирован за границу вместе с госпиталем. С 1924 г. в Париже. Работал маляром и рассыльным, был телефонистом в газете «Последние известия», занимался переводами. Участвовал в антифашистском Сопротивлении. В эмиграции у Ладинского вышли пять стихотворных сборников и два исторических романа. В 1946 г. он принял советское гражданство. Но в Москву был допущен только через десять лет. Здесь к стихам возвращаться не стал, а роман «Голубь над Понтом» о противостоянии Киевской Руси и Византии подправил и выпустил под названием «Когда пал Херсонес» (1959). Успел написать вторую и третью части трилогии – романы «Анна Ярославна – королева Франции» и «Последний путь Владимира Мономаха», вышедшие впервые, соответственно, в 1961 и 1963 гг.

В. Д.: И которая выросла уже, собственно, за границей.

А. С.: И которая пропагандировала русских советских писателей. Они первые Бабеля открыли, так сказать, для эмиграции, Бабеля, Леонова — зачитывались.

В. Д.: Неужели Леоновым зачитывались? «Барсуками»⁹⁷, да?

⁹⁷ «Барсуки» (1923–1924) – первый роман Леонида Леонова (1899–1994) о людях на переломе истории.

А. С.: Да, потом... первые его вещи.

В. Д.: Да, ну, «Барсуки» были хорошей вещью.

А. С.: Да.

В. Д.: И Вадим Андреев?..

А. С.: И Вадим Андреев там участвовал.

В. Д.: А Алданов⁹⁸, скажем, как его...

⁹⁸ Марк Алданов (1886–1957) – химик, публицист, исторический писатель, 13 раз номинированный на Нобелевскую премию (из них 9 раз Буниным). В эмиграции с 1919 г. Помимо Парижа, жил в Берлине (1922–1924) и Нью-Йорке (с 1940).

А. С.: Алданов? Он отдельно держался. Он держался отдельно, был очень уже маститый, хотя он был тогда совсем не стар, но нам казался тогда уже старым, наверное. И он отдельно в кружке «Современных записок» был, так что мы его мало встречали. Был там еще известный писатель, теперь очень известен — это Набоков, тогда он был Сириным, но он тоже не принадлежал к нашему...

В. Д.: Да, но это чисто эмигрантский писатель. Он еще, кажется, и пишет по-английски?

А. С.: Да-да, он теперь пишет по-английски.

В. Д.: Я просто...

А. С.: А вот наш круг — это было «Кочевье», и там вот как раз на «Кочевье» однажды разразился ужасный скандал, когда вот... Но лучше об этом расскажет мой муж — это история о том, как он вызвал на дуэль одного из молодых писателей, которые оскорбили Цветаеву и Ремизова в статье. Да, пусть он сам это расскажет, хорошо?

О знакомстве с Сосинским. О своих родственниках

В. Д.: Это мы его допросим. Ну, хорошо, а вы, вы-то с ним когда познакомились? Вот в этих «Кочевьях»?

А. С.: Мы познакомились... нет, мы познакомились как раз в 24-м году, в самом конце, нет, в 25-м году, познакомились у Зайцевых с Вадимом Андреевым, а потом с Сосинским. Вадим Андреев там привел Сосинского. Мне было тогда шестнадцать лет, и в общем мы были женихом и невестой четыре или пять лет. Мне было шестнадцать только.

В. Д.: Ну вот, потому сорок лет и живете.

А. С. (смеется): Да.

В. Д.: Значит, Вадим Андреев, собственно, познакомил?

А. С.: Да, да. Причем познакомились мы, именно говоря о Цветаевой. Мы встретились у Зайцева.

В. Д.: Значит, вы у Зайцева бывали?

А. С.: Да, да-да. Ну, просто лично я очень хорошо относилась к его жене. Она была очень милым человеком. Как человек она очень милый. Она из московских таких... Она знала Ремизова, между прочим, мальчиком, она знала, по-моему, семью Пастернака.

В. Д.: Она из купеческой среды, кажется, нет?

А. С.: Вот не знаю, не знаю. Но она дивно говорила по-русски. У нее совершенно изумительный русский московский такой говор, сочный. И просто она человек очень горячий, живой. Значит, мы как-то встретились с Вадимом Андреевым. И он себя там чувствовал чужим, и мы... и тут мы заговорили о Цветаевой. Он очень заинтересовался, узнав, что мы знакомы с Цветаевой. И мама моя (как раз я и мама была)...

В. Д.: У вашей мамы как имя-отчество?

А. С.: Ольга Елисеевна. Ее отец, между прочим, был Елисей Колбасин⁹⁹. Если вы знаете Тургенева, есть такие стихи: «Мой юный друг, Колбасин Елисей...» Это послание Тургенева¹⁰⁰. Он был другом, но он был гораздо моложе Тургенева.

⁹⁹ Елисей Яковлевич Колбасин (1831–1885) – прозаик, критик, историк литературы. Печатался в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Время» и др. Автор книги «Литературные деятели прежнего времени: [Ив. Ив. Мартынов, переводчик греческих классиков; Курганов и его “Письмовник”; Воейков с его сатирой “Дом сумасшедших”]» (СПб.: А. И. Давыдов, 1859). В 9-й том сборника «Для легкого чтения: повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей» (СПб.: А. И. Давыдов, 1859), наряду с романом Анастасии Марченко «Тернистый путь», драматической сценой «Беседа журналиста с подписчиком» Николая Некрасова, рассказом «Фанфарон: один из наших снов» Алексея Писемского, вошла повесть Колбасина «Два зайца: дневник армейского офицера».

¹⁰⁰ Письмо в стихах (29 июня /11 июля 1859 г.) с приглашением в «Hôtel Vuyon», на улице Лафит, перед отъездом Тургенева из Парижа (см.: *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. Т. 4 / подгот. текстов и примеч. А. И. Баттото и др. М. Наука, 1987. С. 59*). Воспоминания Колбасина о поездке с Тургеневым в Англию см. в книге: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / сост. и подгот. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянд; коммент. ее же. М.: Художественная литература, 1983. С. 17–26. Сведения о взаимоотношениях Тургенева и Е. Я. Колбасина там же на с. 432–433.

В. Д.: Это был что же, ее отец?

А. С.: Ее отец, да. Она Ольга Елисеевна. А ее дядя был описан в... в «Отцы и дети», ее дядя Дмитрий¹⁰¹ был описан... Кирсанов, да?

¹⁰¹ Дмитрий Яковлевич Колбасин (1827–1890). Его рассказы об охоте с Тургеневым см.: *Громов В. А. Забытые воспоминания о Тургеневе-охотнике // Охотничьи просторы. 1966. № 24. С. 190–204.*

В. Д.: Да. Это который?

А. С.: Кирсанов... брат, который...

В. Д.: Павел Петрович?

А. С.: Да-да, дядя. У нас в семье, во всяком случае, говорили, что это его описана наружность, его розовые ладони, маленькие руки...

В. Д.: Перстень с сфинксом¹⁰².

¹⁰² Предмету своей страсти, княгине Р., с намеком на ее загадочность, Павел Петрович Кирсанов подарил «кольцо с вырезанным на камне сфинксом» (*Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. С. 31*).

А. С.: С сфинксом, да-да, потом приезжала такая амазонка — это все было в его жизни. И он разорился даже из-за этой амазонки, в общем-то описан...

В. Д.: Это купеческая семья?

А. С.: Нет, нет-нет-нет. Это семья не купеческая, это семья даже дворянская, но фамилия такая потому, что это Колба — сын, сын Колбы. Это украинская.

В. Д.: А, это не колбаса?

А. С.: Нет, к колбасе это не имеет отношения. Это украинская... ну, в общем, такая...

В. Д.: Ага, вот, что! И, значит, дочь Елисея Колбасина, которому писал стихи Тургенев, вышла замуж за Виктора Чернова, эсера. Между прочим, сам он не еврей был?

А. С.: Нет, что вы! Он волгарь, с Волги¹⁰³.

¹⁰³ В. М. Чернов родился в Хвалынске, «большую часть детства, все отрочество и пору зеленой юности» провел в Камышине, учился в Саратовской гимназии. В Саратове, посещая различные кружки – религиозные, либеральные, народнические, в конце концов пришел к народничеству, верность которому сохранял до конца жизни. «Волга в моем детстве играла огромную роль, – писал он, – впоследствии, думая о ней, я не раз мысленно сравнивал ее с той ролью, которую играла она и в младенчестве самого русского народа. Не повторял ли я в своей “маленькой жизни”, в миниатюре, его большие судьбы, его поиски, блуждания и скитания?» (*Чернов В. М. Перед бурей: воспоминания / предисл. Б. Николаевского. Вашингтон: Издательство имени Чехова, 1953. С. 20*). Только после седьмого класса, чтобы избежать строгого присмотра в гимназии, инициированного полицией, он из Саратова переехал в Дерпт, где учился его старший брат Владимир, и поступил в тамошнюю гимназию.

В. Д.: Он волгарь, да?

А. С.: Волгарь, да-да.

В. Д.: И он начинал еще в 90-х годах, с поздними народниками?

А. С.: Да-да.

В. Д.: И потом был одним из основателей партии эсеров.

А. С.: А потом, когда мы приехали из-за границы, мои родители разошлись. Я жила с мамой.

В. Д.: Ах, вот что! Так что вы уже с Виктором... Как его отчество? Виктор...

А. С.: Виктор Михайлович.

В. Д.: ...с Виктором Михайловичем Черновым, уже не жили с ним в одной семье?

А. С.: Нет-нет.

В. Д.: Он хотя вас и вызвал туда, но...

А. С.: Да, он оставил маму.

В. Д.: У него была, что?..

А. С.: У него была другая жена, да.

В. Д.: Другая семья. Так что это уже отдельно было. Так что уже естественно в этих литературных подразделениях он не принимал участия?

А. С.: Нет-нет. Но он, между прочим, <нрзб> он не был, специально не занимался литературой, но он Цветаеву понимал необычайно и... не то, чтобы он любил, но он смеялся над тем, как ее не понимают. Он говорил, что каждый русский человек, который знает русские песни (а он сам пел прекрасно, у него был чудесный голос), он говорил, не может не понять. Ведь это такой же строй ее стихов, как русская песня. Поэтому я даже не могу понять, как можно не понимать ее.

В. Д.: Молодец! Не знал, что Чернов такой, я думал, что он такой, типа Михайловского — совершенно ничего не понимающий¹⁰⁴.

¹⁰⁴ Николай Константинович Михайловский (1842–1904) – теоретик народничества, социолог, публицист, литературовед. После Дмитрия Писарева «первый критик» и «властитель дум», считавший главной задачей литературы прямое служение обществу.

А. С.: Нет-нет. Он переводил Верхарна¹⁰⁵. У него была определенная, конечно, тенденция, скорее к стихам, ну, Некрасова, Верхарна, то есть... стихи, в которых есть какая-то или политическая или какая-то...

¹⁰⁵ Чернов публиковал свои переводы бельгийского поэта Эмиля Верхарна (1855–1916) с 1906 по 1919 г. Известны черновские переводы 40 стихотворений Верхарна, которые первоначально публиковались в газетах и журналах, а затем 36 из них составили книгу: *Верхарн Э. Живая жизнь: избранные стихотворения* / пер. с фр. Виктора Чернова. Пг.: Сотрудничество, 1919.

В. Д.: Ну, тенденция такая, народная.

А. С.: Тенденция, да-да. Но во всяком случае он вполне понимал Цветаеву, вот. Да, но мы отвлеклись. Значит, мы говорили о том, что...

Жизнь в эмиграции

В. Д.: Нет, это все очень интересно. Понимаете, мне интересно все в целом, окружение. Значит, мне было, например, очень интересно, что вот эта поросль, примерно мое поколение — 8-й — 9-й — 10-й годы — это люди, став взрослыми в середине 20-х годов, чувствовали себя все-таки, так сказать, связанными с Россией.

А. С.: С Россией, да-да.

В. Д.: Это поколение, не родившееся, но подросшее уже в эмиграции, оно не чувствовало себя, так сказать, полностью зарубежным.

А. С.: Нет-нет, я совсем себя не чувствовала. Мне всегда казалось... Я даже думала... ну, я была еще девочкой, что мы выехали с советским паспортом, но мы, порвавшие совсем...

В. Д.: Но потом вы его, конечно, потеряли.

А. С.: Но потом потеряли постепенно, даже моя сестра еще даже во время войны сохраняла свой паспорт, моя старшая сестра.

В. Д.: Она здесь?

А. С.: Нет, она как раз осталась во Франции, теперь француженка. Но в общем мы с ней как-то никогда не чувствовали близко с эмиграцией. И с Францией тоже, надо сказать, мы не были близки, к сожалению, потому что французы ведь очень... Хотя у нас лично были связи большие, у моей матери с французами. Но вообще французы очень держатся особняком. Они даже иногда про себя говорят, что «мы — европейские китайцы, мы живем, окруженные Китайской стеной».

И вот как раз Марина Ивановна, которая очень хорошо знала французский язык и стремилась в Париж... оказалось, что как-то во французскую жизнь она совсем не вошла.

В. Д.: Да?

А. С.: Нет. Французские писатели вообще живут как олимпийцы. Даже какой-нибудь небольшой писатель, ну, Моруа¹⁰⁶ — это все-таки не какой-то уже очень большой писатель...

¹⁰⁶ Андре Моруа (1885–1967) – французский писатель, академик (1938). Мастер жанра романизированной биографии («Дон Жуан, или Жизнь Байрона», «Прометей, или Жизнь Бальзака», «Олимпико, или Жизнь Виктора Гюго», «Жизнь Дизраэли», «Три Дюма», «Адриенна, или Жизнь госпожи де Лафайет», «В поисках Марселя Пруста», «Лилия, или Жизнь Жорж Санд», «Ариэль, или Жизнь Шелли» и мн. др.). Книга «Мемуары» вышла посмертно (1970).

В. Д.: Ну, а с ними контактов не было?.

А. С.: Нет. У Марины Ивановны как раз лично были, больше чем у кого бы то ни было, потому что она очень радовалась людям. У нее были старые связи: когда-то ее брат был натурализованным французом¹⁰⁷, он... Марина Ивановна — совсем нет. И как-то она не подходила к французской жизни: ее такая безмерность в этом мире мер¹⁰⁸ — это не подходило французам, которые любят меру, любят...

¹⁰⁷ Единородный брат Цветаевой – Андрей Иванович Цветаев (1890–1933) – сын Ивана Владимировича Цветаева (1847–1913), отца Марины Ивановны, от брака с первой женой – Варварой Дмитриевной Иловайской (1858–1890).

¹⁰⁸ Использована формула Цветаевой из стихотворения «Что же мне делать, певцу и первенцу, / В мире, где наичернейший – сер! / Где вдохновенье хранят, как в термосе! / С этой безмерностью / В мире мер?! (Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 2. С. 186).

В. Д.: Гармонию.

А. С.: ...гармонию, любят светскость какую-то. Знаете, она всегда говорила о чем-то одном, очень напряженно, сильно — это было не в стиле французского салона, где нужно немножко поговорить о том, о другом, в общем, соблюсти какую-то... Так что она... она любила старую Францию она любила, Вандею¹⁰⁹, она любила воспоминания о Наполеоне. У нее было несколько друзей именно среди старых каких-то француженок, которые... старую Францию... Но войти во Францию современную, с ее снобизмом и со всем — она не могла. И даже язык ее... она великолепно знала французский, но это был немножко архаический французский, как у многих.

¹⁰⁹ Вандея – здесь: контрреволюционный мятеж на западе Франции, преимущественно в департаменте Вандея (1793–1796), унесший жизни более 200 тысяч человек и завершившийся поражением.

В. Д.: От XIX века.

А. С.: А сейчас очень изменился язык.

В. Д.: Изменился?¹¹⁰

¹¹⁰ Мать Дувакина, Виктория Витольдовна, урожденная Дюмулен (1869–1937), была внучкой француза, осевшего в России в 1812 г. и с детства наравне с русским языком знала французский. И сам Виктор Дмитриевич, пользуясь домашним знанием французского языка, в университете специализировался в области художественного перевода.

А. С.: Очень! А сейчас, за последние годы — еще больше. Теперь уже американское влияние, так что — очень изменился!

В. Д.: Это все очень интересно и, видите, попутно всплывает опять о Цветаевой. Здесь помимо чисто политических причин ее одиночество было и каким-то одновременно... и в культурном отношении она была одинока.

А. С.: И конечно ее характер тоже играл роль.

В. Д.: Нелегкий, да.

А. С.: Нелегкий характер.

В. Д.: Да. А Эфрон был с ней в Париже?

А. С.: Был с ней, но они как-то... Он очень ее любил, всегда ею восхищался и никогда не сердился на нее, даже если она как-то поступала с людьми не очень хорошо.

” Он всегда объяснял, что Марина Ивановна — это необычайный человек, она — гениальный поэт, и нужно ей прощать. Почему-то он говорил: «Как Бетховен», я не знаю почему, именно сравнивал всегда с Бетховеном.

В. Д.: Он понимал, что...

А. С.: Он понимал, да-да-да.

В. Д.: А ведь сам он — просто офицер, или что он до того?

А. С.: Он одно время хотел... в театре он играл¹¹¹. Он из такой довольно состоятельной, по-моему, семьи¹¹². Просто очаровательный человек.

¹¹¹ В декабре 1915 г. Сергей Эфрон сыграл несколько маленьких ролей в спектаклях «Духов день в Толедо» и «Сирано де Бержерак» в Камерном театре у А. Я. Таирова. В 1927 г. снялся в крошечной, 12-секундной роли заключенного, которого уводят на расстрел, в немом французском фильме «Мадонна спальных вагонов».

¹¹² Сергей Эфрон был шестым ребенком в семье, где было девять человек детей. Его родители были народовольцами, прошли через семилетнюю эмиграцию, а когда отец, Яков Константинович, отошел от революционного движения, то смог устроиться только страховым агентом. «Работа была безрадостной и бесперспективной, — рассказывает Ариадна Эфрон, — а малый оклад едва позволял содержать — кормить, одевать, учить, лечить — все прибавляющуюся семью» (*Эфрон Ариадна. О Марине Цветаевой: воспоминания дочери.* С. 44).

В. Д.: Семья, связанная с этими вот Эфронами, которые...

А. С.: Нет-нет, это совсем другой какой-то. Я не знаю, о его семье я как следует не знаю, но... Он всегда стремился к какой-то общественной деятельности, потом он был коммунистом, уже в последние годы¹¹³.

¹¹³ Характеризуя Сергея Эфрона, Константин Родзевич в частном письме (1979) свидетельствовал: «Во французскую компартию не вступал» (*Лосская Вероника. Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников.* М.: Культура и традиция, 1992. С. 185). Увезенный из Франции в 14-летнем возрасте, Георгий Эфрон писал (10 ноября 1941 г.): «Когда я жил в Париже, я был откровенно коммунистом» (*Эфрон Георгий. Записки парижанина: дневники, письма, литературные опыты 1941–1944 годов / изд. подгот. Е. Коркиной, В. Лосской, А. Поповой.* М.: АСТ, 2018. С. 85). В этом смысле коммунистом был и его отец, один из руководителей просоветского «Союза возвращения на родину» и сотрудник Иностранного отдела ОГПУ-НКВД. В служебной справке о секретной деятельности Сергея Эфрона говорится: «В 1931 г. Эфрон был завербован органами НКВД, работал по освещению евразийцев, белоэмиграции, по заданию органов вступил в русскую масонскую ложу “Гамаюн”. В течение ряда лет Эфрон использовался как групповод и активный наводчик-вербовщик, при его участии органами НКВД был завербован ряд белоэмигрантов, по заданию органов провел большую работу по вербовке и отправке в Испанию добровольцев из числа бывших белых» (*Шенталинский Виталий. Донос на Сократа: документальные повести.* М.: Прогресс-Плеяда, 2011. С. 505).

В. Д.: Да! Когда он стал коммунистом?

А. С.: Он через евразийство перешел, так сказать.

В. Д.: И он от нас, от Советского Союза, вел какую-то работу?

А. С.: Да-да-да.

В. Д.: Ну, да. Это было и при ней. Ну, а дальнейшее я знаю.

А. С.: Ну, там у них немножко как будто были и хуже отношения, но я не знаю, это трудно сказать.

В. Д.: И он прощал ей ее бурные романы?¹¹⁴

¹¹⁴ В письме Максимилиану Волошину (до 22 января 1924) Сергей Эфрон объяснял, что происходит в его отношениях с женой: «М. человек страстей. <...> Отдаваться с головой своему урагану – для нее стало необходимостью, воздухом ее жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас – неважно. Почти всегда <...> все строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, М. предается ураганному же отчаянию. Состояние, при котором появление нового возбудителя облегчается. Что – неважно, важно как. Не сущность, не источник, а ритм, бешеный ритм. Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой – и через день снова отчаяние. И все это при зорком, холодном (пожалуй, даже вольтеровски-циничном) уме. Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются (почти всегда справедливо). Все заносится в книгу. Все спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая – все обращается в пламя. Дрова похуже – скорее сгорят, получше – дольше. Нечего и говорить, что я на растопку не гоюсь уже давно» (Цит. по книге: *Кудрова Ирма. Путь комет: жизнь Марины Цветаевой*. СПб.: Вита Нова, 2002. С. 319).

А. С.: Да-да-да, он понимал, что это... конечно, ему это было тяжело, но он понимал, что это... все-таки поэт в ней требовал этого, больше, чем женщина. Понимаете? Это скорей не женское было, а скорей... И потом в последние годы уже не было таких романов, но она искала хотя бы в письмах какие-то... Она создавала людей, причем сама потом смеялась, что это совсем оказывалось не то, что она думала. Она посвящала стихи, писала замечательные письма, а потом встречалась с людьми и видела, что это совсем не то, что она думала.

В. Д.: А Белого вы с ней не видели?

А. С.: Нет, я лично, нет.

В. Д.: Не встречались?

А. С.: Нет-нет. Мой отец его встречал. У моего отца было несколько книг с его надписью, но я лично — нет. Я как-то была, может, еще девочка, я сама его не видала.

В. Д.: Она о нем замечательный очерк написала¹¹⁵.

¹¹⁵ *Цветаева Марина*. Пленный дух: (Моя встреча с Андреем Белым). [1934] // Она же. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 221–270.

А. С.: Да-да. Вот о нем кто вам может рассказать — это Вадим Андреев. Он как раз его встречал лично и...

В. Д.: Ну, куда же я...

А. С.: Он приедет в Москву.

В. Д.: Ой, вы меня познакомьте.

А. С.: Обязательно. Вот он приедет... Он каждый год приезжает, или каждые два.

О дуэли в защиту Цветаевой

В. Д.: Ну, большое вам спасибо. Значит, мы подошли к тому, что вы выходите замуж за Владимира Брониславовича Сосинского...

А. С.: О дуэли, которая была...

В. Д.: И пусть он расскажет о дуэли, о которой вы упомянули, которая... в защиту Марины Цветаевой.

А. С.: Да, которая очень характерна для литературных нравов того времени.

В. Д.: У нас, конечно, говорить о дуэли было как-то уже странновато. Ну, вот тут мы и сделаем небольшой перерыв, у меня как раз кончается дорожка, нужно все равно технический делать перерыв. Ну, спасибо. Попросим теперь Владимира Брониславовича. А потом вы тоже, может быть, придете?

А. С.: Нет. Я уже устала сегодня.

В. Д.: А, ну, пожалуйста, пожалуйста.

В. Д.: Владимир Брониславович, по техническим причинам сейчас маленькая пауза, я на другую дорожку переходил. Ариадна Викторовна рассказала все о Марине Цветаевой и дошла до 29-го года. Так что мы, так сказать, вас поженили. Вы дошли до свадьбы и она дошла до свадьбы. Но давайте мы продолжим уже не по генеалогической сейчас линии, а вот о Цветаевой. Она сказала, что у вас какая-то интересная дуэль в связи с этим, вы сами об этом знаете. Но, может быть, даже не с этого начать. Вы-то сами в Праге не были. А вы когда с Мариной Цветаевой познакомились? Вот об этом расскажите.

В. С.: Вот когда я познакомился с Мариной Цветаевой. После долгих хлопот удалось Ольге Елисеевне Черновой-Колбасиной, моей теще, вызвать Марину Цветаеву в Париж из Праги. Это было довольно трудно, в смысле материальном.

В. Д.: Простите, я вас не понимаю, она еще не была вашей тещей!

В. С.: Тогда еще нет, я был женихом.

В. Д.: А, значит, вы познакомились с ней...

В. С.: А познакомился я в 24-м году.

В. Д.: Вот что! Ну, да, она сказала, что вы четыре или пять лет были женихом, и познакомил вас Вадим Леонидович Андреев в Париже.

В. С.: В Париже.

В. Д.: Так, и, значит, Ольга Елисеевна Чернова-Колбасина хлопотала о переезде...

В. С.: Марины Цветаевой из Праги в Париж. И это ей удалось. И в смысле виз, потому что один из ее дальних родственников был министром здравоохранения в правительстве французском.

В. Д.: Чьим?

В. С.: Ольги Елисеевны.

В. Д.: Да?

В. С.: Эрнест Ляфон¹¹⁶. И значит еще в материальном смысле: переезд и так далее. Даже дело дошло до того, что она по приезде семьи Эфрон-Цветаевой в Париж устроила их у себя в доме, где было три комнаты: одна комната ушла Цветаевым. А мы тем временем, я и Вадим Леонидович Андреев, мы бывали у Черновых и, конечно, там же немедленно и познакомились с Мариной Ивановной.

¹¹⁶ Эрнест Ляфон (1879–1946) – французский социалист, депутат парламента. Летом 1920 г. вместе с женой Зинаидой приезжал в Москву в качестве «нейтрального наблюдателя» и был выслан приказом председателя Реввоенсовета Л. Д. Троцкого.

В. Д.: Значит, вы у нее в доме познакомились? Вот она не могла это вспомнить.

В. С.: Да. Марина Ивановна оставила в нашей жизни большой след, не только как поэт, но и как человек. Мне не хочется сегодня много рассказывать о ней, потому что у нас еще впереди другие...

В. Д.: Неважно, неважно, вы говорите то, что хотите. Давайте сейчас с Цветаевой покончим. Мы можем Бабеля отложить.

В. С.: Дело в том, что мне как-то легче будет о ней рассказывать, если я вам расскажу одну историю, которая произошла после, скажем, ну, трехлетнего знакомства с Мариной Цветаевой. В журнале, который издавался — был такой ежемесячник «Новый дом»¹¹⁷, потом переименовали его в «Новый корабль»¹¹⁸ под редакцией Мережковского, Гиппиус, Ходасевича, Берберовой, в этом журнале Марина Цветаева была оскорблена.

¹¹⁷ «Новый дом» – литературный журнал, выходивший в Париже под редакцией Нины Берберовой, Довида Кнута, Юрия Терапиано и Всеволода Фохта (1926–1927. № 1–3).

¹¹⁸ «Новый корабль» – литературный журнал, выходивший в Париже под редакцией Владимира Злобина, Юрия Терапиано и Льва Энгельгардта (1927–1928. № 1–4). Здесь, в частности были напечатаны стенографические отчеты о пяти заседаниях общества «Зеленая лампа».

В. Д.: Чем оскорблена?

В. С.: Ну, ее назвали чуть ли не проституткой.

В. Д.: Это что специально рецензия была?

В. С.: Рецензия.

В. Д.: А что было поводом?

В. С.: Поводом был выход ее замечательной книги «Ремесло», где автор статьи, перефразируя и переставляя фразы, сделал публичный дом из одного ее стихотворения. И также в этой статье он обрушился и на Алексея Ремизова. Я чувствовал...

В. Д.: Простите, я вас перебиваю, но мне хочется все же понять суть обвинения. Что тут: безнравственность или имелось в виду, так сказать, политическое проституирование, что она, вот может быть... там стихи о Маяковском...

В. С.: Нет, не политическое, а в смысле того, что это, значит, ну, что ли эротически влюбленная... вот, скажем, «Поэма Горы», «Поэма Конца» — влюбленная поэтесса, которая позволяет себе писать вот такие вещи. Причем были выдраны две-три строки из ее поэмы, в которых... в составе которых получалось неприличие — вот какой смысл был этой статьи¹¹⁹...

¹¹⁹ См. *Злобин Вл.* «Версты» // «Новый дом» 1926, № 1. С. 35–37. Согласившись с критиками в том, что журнал «Версты» связан с «растлителями России», автор от себя добавляет, что «следовало бы вместо поднятого журналом красного флага повесить – красный фонарь» (С.36). И продолжает: «О Марине Цветаевой нечего говорить. Она то, во всяком случае, на своем месте. И как ей, в ее положении, не вздыхать, что мы в этот мир являемся “небожителями”, а не “простолюдинами” любви, т.е. больше идеалистами, чем практиками. “О когда б, здраво и попросту”, – восклицает она: – В ворохах вереска бурогона же меня! Твой. А затем, спокойно разойтись, ибо: Не обман страсть и не вымысел! И не лжет – только не дли! Но Цветаева все же не теряет надежды, что когда-нибудь, “в час неведомый, в срок негаданный”, люди, наконец, почувствуют: – Непомерную и громадную Гору заповеди седьмой, и сбросят ее с плеч, – “обнажатся и заголятся”» (Там же). Стихотворные строчки и заковыченные слова и фразы (кроме последней – она из рассказа Ф. М. Достоевского «Бобок») произвольно надерганы из цветаяевской «Поэмы Горы». В этой же рецензии Алексей Ремизов походя был обруган за отрывки из книги «Три серпа» о Николае Чудотворце (С. 35).

В. Д.: Был составлен из надерганных строчек...

В. С.: Да.

В. Д.: ...какой-то монтаж с похабным оттенком.

В. С.: С похабным оттенком.

В. Д.: Верно я сформулировал?

В. С.: Точно, точно, совершенно верно.

В. Д.: Ага, не знал об этом эпизоде ничего.

В. С.: А Алексея Ремизова они одновременно там, в другой статье... обрушились на него за то, что он «грабит», что он занимается плагиатом, что «грабит» покойников. В общем, сделали из него такого мародера и подлеца, что он обокрал протопопа Аввакума, что он обокрал русские сказки, Афанасьева и так далее. В общем, я счел своим долгом вступитья, конечно, за Марину Ивановну, и на вечере, который был устроен по другому поводу... Такой был Союз молодых поэтов¹²⁰...

¹²⁰ Союз молодых писателей и поэтов существовал в Париже с 1925 г. Обосновался в доме № 79 по улице Данфер-Рошро, где, кстати, и прошел в начале 1926 г. первый парижский вечер Цветаевой.

В. Д.: Под названием... «Колесья»... что-то такое... говорила Ариадна Викторовна.

В. С.: Нет, «Кочевье».

В. Д.: «Кочевье»?

В. С.: «Кочевье» — это была другая организация, это мы с Марком Слонимом и Андреевым создали «Кочевье» в противовес «Зеленой лампе», которая была у Зинаиды Гиппиус и Мережковских, вот.

В. Д.: А сейчас вы говорите?..

В. С.: А Союз молодых поэтов — это была такая специальная группа, которая тоже почти раз в две недели устраивала свои концерты. Это была такая, скорее профессиональная, организация — помогать друг другу.

В. Д.: В Париже?

В. С.: В Париже.

В. Д.: А концерты эти имели характер...

В. С.: Литературные концерты, конечно.

В. Д.: Ну да, литературные вечера. Они что, были открытыми?

В. С.: Открытыми.

В. Д.: На них продавались билеты? Или тоже замкнуто?

В. С.: Нет. Это по типу французскому было сделано. Мы ходили в кафе, в подвале, садились за столик и платили за то пиво или за то вино, которое вы закажете.

В. Д.: И все?

В. С.: Все.

В. Д.: И это что, за это получали какие-то проценты?

В. С.: Нет, никто ничего не получал.

В. Д.: Какое же в этом профессиональное?.. Я понял, что это профессиональное <нрзб>?

В. С.: Нет, Союз молодых поэтов был профессиональным в таком смысле, что если какой-нибудь молодой писатель оказывался в тяжелом положении, то ему помогали.

В. Д.: Из чего? Из каких средств?

В. С.: Бегали по богатым людям русской колонии...

В. Д.: Ах, просто так. Я думал, что это были платные вечера в пользу молодых поэтов.

В. С.: Нет-нет.

В. Д.: Я так думал.

В. С.: И вот на этом вечере я выступил с заявлением, что даю пощечину, общественную пощечину редакции журнала «Новый корабль»¹²¹. Ну, тут разразился скандал. Председательствующий, такой Антонин Ладинский, который недавно умер в Советском Союзе, потушил электричество. Ну, в общем, скандал этот имел большой отклик¹²².

¹²¹ Оговорка: здесь и далее речь о журнале «Наш дом», а не о «Новом корабле».

¹²² Вот как этот эпизод был описан в газете «Дни» (1926. 11 ноября. № 1156): «В Париже состоялся первый в этом сезоне после летнего затишья вечер Общества молодых писателей и поэтов. Вечер был открыт докладом Льва Шестова. Во время перерыва после доклада сын покойного Леонида Андреева Вадим Л. Андреев предложил присутствующим немедленно — хотя бы и явочным порядком — обсудить вопрос о журнале „Новый Дом“, так как редакция этого журнала состоит из членов „нашего общества“, журнал считается близким к „нашему обществу“, но „мы должны завить, что с „Новым Домом“ не имеем ничего общего“. При этом г. Андреев особенно выражал негодование против напечатанной в „Новом Доме“ критической статьи В. Л. Злобина. После перерыва В. Сосинский потребовал слова, по-видимому, собираясь говорить по поводу журнала. Председатель поэт Антонин Ладинский в этом ему отказал. А после бурных и настойчивых требований Сосинского закрыл собрание. В конце концов г. Сосинский все-таки произнес короткую нервную речь от себя и от имени своих единомышленников. Он заявил, что в „Новом Доме“ под видом критики допущены лютые выпады и оскорбления: — Мы клеймим редакцию этого журнала, считаем позорным ее поведение... Пусть эти слова редакция „Нового Дома“ примет как публичную пощечину... Со стороны публики неслись возгласы: — Женщина в лице Марины Цветаевой оскорблена... — Алексею Ремизову брошено обвинение в некрофильстве... Чтобы заставить публику разойтись, кое-кто распорядился закрыть электричество». Цит по: Сосинский В. Рассказы и публицистика. С. 122. М.: «Российский архив», 2002.

В. Д.: Что, бить хотели?

В. С.: Да. На следующем вечере, куда я тоже, конечно, пришел, естественно, было продолжение этих событий. Молодой, самый молодой представитель редакции, конечно, не Мережковский, не Гиппиус и не Ходасевич, а Юрий Терапиано¹²³, впоследствии очень известный критик за рубежом, он дал мне уже не общественную пощечину, а физическую. И у нас произошла драка.

¹²³ Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) – соредактор журнала «Новый дом» и первый председатель Союза молодых писателей и поэтов. Не только критик, но и поэт, и прозаик, и переводчик. Участник Первой мировой войны и Белого движения. Был ранен. Эвакуировался из Крыма в 1920 г. Автор книг: Встречи. 1926–1971 / вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. Т. Г. Юрченко. (М.: Intrada, 2002; Литературная жизнь русского Парижа за полвека: (1924–1974) / вступ. ст. Ренэ Герра (СПб.: Росток, 2014).

В. Д.: То есть вы ему дали сдачи и...

В. С.: Ну, драка, в которой все-таки оказалось... у меня такое впечатление, что мне была нанесена пощечина, несмотря на то, что, конечно, драка была, но <нрзб>. И я его вызвал на дуэль. Тогда мы еще были все... еще жили в таких традициях XIX века.

В. Д.: Вы ведь все были бывшими офицерами?

В. С.: Да. Я был... нет, я был унтер-офицер.

В. Д.: Вы не были офицером?

В. С.: Нет, офицером не был. И вот...

В. Д.: Но тогда он был вправе, по офицерскому кодексу старому, отказаться. Что он будет драться... Ведь вы ж дворянин?

В. С.: Дворянин, конечно, барон, но дело не в этом. Дело очень пикантно...

В. Д.: Если по кодексу, то отказаться — и всё.

В. С.: Но самое забавное здесь то, что неожиданно меня вызвали в полицейское управление по месту жительства. И комиссар, улыбаясь, передал мне текст заявления генеральному прокурору Франции подписанное Мережковским, Гиппиус, Ходасевичем, Берберовой и другими людьми — редакцией «Нового корабля» — с предложением выслать Сосинского из Франции, который ведет себя недостойным образом, вызывая на дуэль, давно запрещенную во Франции...

В. Д.: Запрещено во Франции?

В. С.: Да. ...Юрия Терапиано. Значит, вы понимаете, полицейский комиссар улыбнулся мне, рассмеялся: «Прочли?». Я прочел, подписался, этим дело кончилось. И этому делу ход не был дан. Но я все-таки не позволял Юрию Терапиано ускользать от меня в этом смысле, и каждый раз при встрече (*смеется*) наносил ему пощечину¹²⁴. Так было целый год. Марина Ивановна, узнав об этом, прислала мне в подарок серебряное кольцо, которое имеет очень забавный рисунок — герб Вандеи, ибо тогда в нашем сознании символом благородства и чести была Вандея¹²⁵.

¹²⁴ Был и другой эпизод, связанный с этой несостоявшейся дуэлью. Однажды В. Б. Сосинский пошел в парикмахерскую стричься, и там сидел человек с намыленным лицом, которого брили. Заметив Сосинского, тот, как был намыленный, выбежал из парикмахерской. Это был Довид Кнут, поэт. Сосинский не собирался с ним драться, но тот дружил с Терапиано и считал, что он тоже может быть бит. Уже после того, как В. Б. Сосинский вернулся в Россию, стало известно, что Терапиано оказался «недуэеспособен» не по своей воле, а ему запретил Ходасевич, сказав, что нас мало и русской интеллигенции не пристало стрелять друг в друга. Уже после того, как было записано это интервью Сосинский встречался с Терапиано в Париже. Они с удовольствием выпили, вспоминая юные годы. (Примеч. А. В. Сосинского).

¹²⁵ Весь этот сюжет подробно изложен в упомянутом выше очерке (См.: Там же. С. 121–127).

В. Д.: Во-о-т как!

В. С.: Вот так.

В. Д.: Значит, вы там, во Французской революции, были на стороне, так сказать, королевской Вандеи, понятно.

В. С.: Да.

В. Д.: Все это давняя история, конечно.

О ОТНОШЕНИЯХ СОСИНСКОГО И ЦВЕТАЕВОЙ

В. С.: И в одном из писем, которое Марина Ивановна писала мне, мне запомнились такие слова: «Вот когда меня не будет на земле, то вы судите обо мне не по поступкам моим, а по умыслу. Поступки пропадут, а желания и умыслы останутся. И не забудьте, что там я буду излучать гораздо больше, чем излучаю здесь, потому что там не будет тетрадей, в особенности тетрадей, которые жадно смотрят на меня пустыми страницами и требуют бесконечной еды. Там я буду свободна от тетрадей. И тогда вы поймете, что я была лучше, чем на самом деле вы можете себе представить»¹²⁶. Почему вот это она писала нам? Потому что мы были с Вадимом Леонидовичем и с другим героем нашей эпопеи парижской Даниилом Георгиевичем Резниковым¹²⁷, которые женились на трех сестрах...

¹²⁶ Сосинский пересказывает фрагмент из письма Цветаевой (26 мая 1926): «Милый Володя, Вы очень хорошо ко мне подошли, просто – у меня никогда не было времени и у Вас не было. Чувство требует времени, не мысль. Мысль – вывод. Чувство всегда начинает с начала, оно прежде всего – работа. (И забота!) Есть лучший мир, где все наши умыслы зачтутся, а поступки – отпадут. Тогда Вы, и Адя, и О<льга> Е<лисеевна>, и Наташа увидите, что я лучше, чем вы все видели, чем мне здесь дано было быть. Там у меня будет время быть собой: чувствовать. И излучать. Тетрадь прожорлива, особенно, когда ее не кормишь. Там не будет тетрадей» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. С. 80*).

¹²⁷ Д. Г. Резников (1904–1970) – жених, а затем и муж Натальи Викторовны Черновой; журналист, литературный критик, поэт. В мемуарном очерке о Марине Цветаевой Сосинский рассказывает: «Из нас, трех женихов, она выбрала самого красивого, самого талантливого, самого в себе замкнутого – Даниила Георгиевича Резникова. Что только не делала Марина Ивановна, чтобы Даниила оторвать от Натальи Викторовны. Всего не перескажешь. Мы за него боролись втроем и за Наташино счастье» (*Сосинский Владимир. Она была ни на кого не похожа // Воспоминания о Марине Цветаевой. С. 371*).

В. Д.: Вот эта фотография, которую вы мне показывали¹²⁸.

¹²⁸ Возможно, фотография, на которой перед шахматной доской сидят Даниил Резников, Владимир Сосинский и Вадим Андреев (Париж, 1925 г.). См.: *Сосинский Владимир. Рассказы и публицистика. С. 84*.

В. С.: Да-да.

В. С.: Да-да, <нрзб> через сорок лет. Мы были... любили очень Цветаеву, и очень по-разному в разное время подходили к ней, но у нас романа не было, и дружбы между нами и Мариной Ивановной не было, потому что, как мы ни восторгались ее стихами, как мы ни любили ее творчество, личный контакт нас всякий раз разочаровывал. Чем? Резкостью некоторой ее, насмешливостью иногда, а иногда просто с ее стороны поступками... ну, то, что мы называем в быту — неблагоприятными.

Дело в том, что, конечно, надо о поступках, по ее совету, не говорить, а только думать о том, какой бы могла быть эта дружба. Ну, скажем, к Даниилу Георгиевичу Резникову она относилась с большой, я бы даже сказал, уже не симпатией, а некоторой влюбленностью. Дело в том, что она очень любила многих и переписывалась с очень многими и объяснялась в любви со многими, выдумывая из каждого человека то, что она хотела себе представить.

” Она была очень, если можно так выразиться, жадная к людям, в особенности к мужчинам моложе ее, и это было очень характерно во всем ее поведении, что нам немножко... не нравилось.

А с другой стороны, мы как-то, отдавая ей должное, уважая ее и защищая, если можно... как видите, недавно я защищал ее, так сказать, с пистолетом в руках, хотя <нрзб>. Если вы сейчас посмотрите... если вы сейчас возьмете в руки «Антологию советской поэзии»¹²⁹, вышедшую в Нью-Йорке под редакцией Ольги Карлайл, которую недавно обругал в «Литературной газете» Перцов¹³⁰.

¹²⁹ Carlisle O. Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets. New York: Random House, 1969.

¹³⁰ Перцов В. Советская поэзия в «обработке» Ольги Карлайл // Литературная газета. 1969. 28 мая. № 22. С. 4. Подзаголовок еще и разжевывает смысл заковыченного слова: «В антологии, только что изданной в США, извращен революционный и реалистический характер советской поэзии». А под конец прилежного читателя ожидает еще и взрыв благородного гнева: «Кто дал право составительнице <...> лишать русскую советскую поэзию ее национального лица, заслоняя его прекрасные живые черты модернистской абстракцией».

В. Д.: Метченко!¹³¹

¹³¹ Оба, Алексей Иванович Метченко (1907–1985) и Виктор Осипович Перцов (1898–1980), занимались Маяковским и защитили по нему диссертации. Метченко с 1952 г. заведовал кафедрой советской литературы на филологическом факультете МГУ. Активно участвовал в изгнании Дувакина с филфака в 1966 г. Перцов руководил сектором изучения Маяковского в ИМЛИ. В 1958 г. выступил с агрессивной речью на собрании Московской писательской организации, клеймившем Бориса Пастернака.

В. С.: Перцов.

В. Д.: Перцов разве?

В. С.: Да, в «Литературной газете» 28 мая, то там статья о Цветаевой кончается тем: «Мы так были близки с Цветаевой, что даже мой дядя вызвал одного критика на дуэль, который оскорбил Марину Цветаеву»¹³².

¹³² Статья Ольги Карлайл, предваряющая подборку стихов Цветаевой в антологии, заканчивается так: «Once, one of my uncles challenged to a duel an émigré critic who had written insultingly about Tsvetayeva» (Poets on Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets. P. 172).

В. Д.: Этот дядя — это вы?

В. С.: Это я.

В. Д.: Значит, Ольга Карлайл¹³³...

¹³³ Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл (род. в 1930) – журналистка, переводчица, художница, мемуаристка. На русском языке вышла ее книга «Возвращение в тайный круг» (М.: Захаров, 2004) о конфликте с Александром Солженицыным.

В. С.: Это моя племянница родная, дочь Вадима Леонидовича Андреева. Вот, я хочу сказать, откуда это все о Цветаевой у нас. И еще одно обстоятельство. Вот я вам расскажу маленький такой эпизод, который я никогда нигде не рассказывал. Но это как раз вот покажет, ну, такую странную Марину Ивановну, которая никому неизвестна. Вот она, Марина Ивановна, попросила ужасно, что она хочет познакомиться с Александром Федоровичем Керенским¹³⁴. Александр Федорович Керенский редактировал тогда газету «Дни»¹³⁵, а я был секретарем тоже эсеровского издания «Воля России». И я заехал к нему и условился, что он к нам приедет, в дом Черновых приедет познакомиться с Мариной Ивановной. Александр Федорович Керенский, тоже очень оригинальная личность...

¹³⁴ Цветаева видела и слушала Керенского и раньше. В середине февраля 1924 г. на одном из его выступлений в Праге она подарила ему сборник «Психея. Романтика» (Берлин: Издательство Э. И. Гржебина, 1923) с надписью: «Романтику Революции – Александру Федоровичу Керенскому – от всей души. Марина Цветаева. Прага, февраль 1924 г.» (Цветаева Марина. Письма 1924–1927. С. 27). На втором издании поэмы-сказки «Царь-Деввица» (Берлин: Эпоха, 1922) она написала: «Дорогому Александру Федоровичу Керенскому – русскую сказку, где ничто не сладится. Марина Цветаева. Прага, февраль 1924 г.». 24 апреля 2014 г. эта книга с автографом была продана на аукционе «Серебряный век русской литературы» в Москве за 7,5 млн рублей (сообщено В. А. Дроздовым). Устроить встречу с Керенским Цветаева попросила Сосинского сразу после приезда в Париж (1 ноября 1925 г.).

¹³⁵ Газету «Дни» Керенский редактировал в 1927–1928 гг. В 1928 г. газета была преобразована в одноименный журнал, и он выходил под редакцией Керенского до 1933 г.

В. Д.: Жив?

В. С.: Жив еще¹³⁶. Он ехал со мной в метро. Мы приехали туда, Марина Ивановна вместе с Ольгой Елисейной, как две хозяйки, встретили его за общим таким большим столом, где было вино и так далее. И в такой как раз день, когда все так подготовили, вдруг неожиданно звонок — входит мой старый товарищ, таксист-водитель. Он меня не нашел дома и решил, значит, где я могу быть? Вот только могу быть у Черновых — и зашел. Ну, конечно, нельзя было ему отказать, выпроводить его, и он сел тоже с нами за стол.

¹³⁶ Керенский умер спустя год – 11 июня 1970 г.

Нужно сказать, что разговор был самый необыкновенный. У меня такое впечатление, что если Александр Федорович Керенский говорил какую-нибудь глупость, то эту глупость немедленно подхватывала Марина Ивановна, делала ее мудростью и возвращала ему обратно глупостью. Это было что-то совершенно невероятное: два близоруких человека говорили бог знает о чем!

Наконец, остановились на Бунине. И вдруг мой друг Селиванов, шофер такси: «Что? Что такое Бунин? Дайте мне бутылку красного вина, и я напишу вам такой же рассказ, как написал Бунин в прошлый раз в „Последних Новостях“ — не хуже!». Конечно, такое заверение никакой силы не имело, но Марина

Ивановна все воспринимала всерьез. «Александр Федорович! Подумайте, что он говорит! Если бы ему дать бутылку красного вина, он бы написал рассказ лучше Бунина! Ведь это же удивительно!» И вот Александр Федорович тоже говорит: «Да-а! Давайте дадим ему бутылку красного вина». И в общем, понимаете, опять то, что нам кажется юмором, было возведено в какой-то шедевр, в мудрость и в какую-то такую, понимаете, серьезную...

В. Д.: Очень характерно для той среды.

В. С.: Да-а. И еще, больше того, это уже относится больше к Александру Федоровичу.

В. Д.: Фантазмагория.

В. С.: Да. Александр Федорович, например, вдруг — тоже немного выпил — начал говорить о том, какая молодежь сейчас в эмиграции растет и развивается: «Черт знает что! Вот совсем недавно один идиот мне рассказывал о том, что в Советском Союзе замечательные поэты и писатели, и что мы должны внимательно относиться к Советскому Союзу, и прочее, прочее...». И повторяет те слова, которые я ему три часа назад говорил в метро, едучи на встречу с Мариной Цветаевой.

В. Д.: То есть этот идиот — вы?

В. С.: Значит, этот идиот оказался я, сидящий за этим столом. То есть это все вместе вам показывает и какая была Марина Ивановна, и какой был Александр Федорович ¹³⁷.

¹³⁷ Эту встречу Цветаевой с Керенским Сосинский описал в мемуарном очерке «Она была ни на кого не похожа» (Воспоминания о Марине Цветаевой. С. 373–376).

А тут еще на следующий день приезжает в наш дом Святополк-Мирский, замечательный молодой критик, тогда гремел в Оксфорде, в Англии, и вообще во всем мире.

В. Д.: Потом стал марксистом.

В. С.: Потом стал марксистом, вернулся на родину. Он, значит, входит, открывает дверь Ольга Елисеевна, она показывает ему, где живет Марина Ивановна. Он входит к Марине Ивановне в комнату, и слышит, Ольга Елисеевна слышит, разговор за дверью. Князь спрашивает: «Скажите, Марина Ивановна, кто эта интересная дама, которая мне открыла дверь?» — «Ох, — говорит, — не обращайтесь внимания, это моя квартирная хозяйка».

В. Д.: Это то есть про...

В. С.: Марина Ивановна говорит об Ольге Елисеевне, которая вывезла ее из Чехии, поселила в своей квартире, не берет ни копейки за пребывание ее в доме и поэтому считается квартирной хозяйкой! Вот вам отношение Марины Ивановны к своему лучшему другу, в случае со Святополком-Мирским. Вот такие мелочи нас, молодежь, очень раздражали.

В. Д.: Понимаете, это (теперь можно сказать), это болезнь, это болезнь. Это не... Очень хорошо, что вы рассказали.

В. С.: Я рассказал об этом, потому что это никогда не будет сказано публично, а так пусть, когда-нибудь в будущем...

В. Д.: В духовном плане она права: судите по намерениям, а в историческом — вы, конечно, совершенно правильно сделали, что это рассказали. А еще в человеческом, так сказать, в душевном, я бы вам сказал... сейчас как-то мне очень много пришлось иметь дела с вопросом о пограничных душевных состояниях и так далее. У меня дочь — врач-психиатр ¹³⁸. Это (то, что вы рассказали), это болезнь. Это не моральное качество личности, а это грань психиатрии, в данном фокусе, и так к этому и надо относиться, и несколько поэта Марину Цветаеву, которую мы все, так сказать, очень высоко ценим, независимо от личных вкусов и пристрастий, конечно, никак не марают. Спасибо, это правильно, что вы... Понимаете... И о Достоевском то же самое можно рассказать.

В. С.: То же самое.

В. Д.: То же самое, тоже на грани и такие же выходки...

В. С.: Абсолютно.

В. Д.: И о Маяковском, которому посвящена вся моя жизнь, я тоже могу рассказать сходные моменты, сходные моменты, и это на грани. У Маяковского они реже были, но, так сказать, они... потому что обычно в быту он был страшно вежлив и, так сказать, очарователен. Он был резок на эстраде — это другое, но бывало и так. Вот я недавно записал несколько совершенно неоправданных, так сказать, вещей. Так, ну, продолжайте.

В. С.: Ну, вот. Ну, я думаю, что я больше о Цветаевой... Поскольку мы заговорили о Маяковском, разрешите мне рассказать вам о встрече... то есть об одном из вечеров.

Об отношении Цветаевой к детям

В. Д.: Простите, о Марине Ивановне ничего больше не добавите?

В. С.: О Марине Ивановне?

В. Д.: Так, с фактической стороны. Вы совершенно не пересекаетесь, вы просто дополняете замечательно свою супругу.

В. С.: Нет, я хотел сказать, что вот Марина Ивановна, она всегда была в такой постоянной беде. Причем, эта беда ее житейская всегда носила характер... ну, характер такой, что люди должны ей помочь. Так что она помощь принимала людей без особой благодарности .

В. Д.: Как должное.

В. С.: Как должное. И в этом смысле судьба ее дочери... Я не знаю, говорила ли Ариадна Викторовна об Але.

В. Д.: Она говорила, но...

В. С.: Марина Ивановна ее эксплуатировала.

В. Д.: Нет, этого не знаю.

В. С.: Она считала, что Аля должна заниматься Муром, потому что Марина Ивановна должна писать стихи.

В. Д.: Понятно.

В. С.: И вот девочка десяти, двенадцати, четырнадцати лет, которая росла на наших глазах, была очень замучена своей мамой, потому что она не только должна была быть нянькой своего младшего брата, но и вести зачастую хозяйство, которое ей было и не по силам, и тоже для нее это была жертва такая: она нигде не училась, ни в одной школе.

”

Очень талантливая девочка, которая писала стихи с семи лет, которая великолепно рисовала и которая имела все права так же, как Марина, получать образование, она никакого образования не получала*, потому что мать ее в этом смысле, зная, что это нехорошо, но что там это зачтется или не зачтется — это не так важно, важно то, что она должна писать стихи. А заниматься Муром она не может. И Муром занималась Аля.

¹³⁹ В общеобразовательной школе Ариадна Эфрон провела только один учебный год – 1923/1924. Но изобразительному искусству обучалась. В 1928–1929 гг. посещала частную студию художника Василия Шухаева, занималась рисунком с Натальей Гончаровой. В 1936 г. окончила Школу прикладного искусства при Лувре по классу иллюстрации и оформления книги. Поэтому и смогла, освободившись из лагеря в 1947 г., преподавать графику в Рязанском художественном училище.

Вот, несколько слов об Але нужно сказать, потому что это был необыкновенно талантливый ребенок. Во-первых, она всегда...

В.Д.: Она стала образованным человеком.

В.С.: Потом она стала очень образованным человеком, но она, понимаете, необыкновенно была симпатична, ласкова и необычайно очаровательна в своей игре. Она вечно играла. Она играла либо то, что она теленочек, косолапый, неуклюжий теленочек, либо она не тот, за которого ее принимают другие люди. Но, играя вот так, она доигралась до некоторых провокаций, шантажей, издевательств, и тоже в этом смысле была и есть не очень легкий человек. В этом смысле у нее много от Цветаевой осталось.

Вот это, если так задуматься над тем, кто был Мур, который даже на похороны своей матери на пришел, представить себе, что такое была Аля — жертва Марины Ивановны в смысле воспитания Мура, самого любимого.

”

Если она кого-нибудь любила, кроме поэзии, то только Мура, не Сергея Яковлевича, мужа, не Алю, а именно Мура, на которого она молилась, и который отвечал ей черной неблагодарностью, всегда.

Так до конца жизни, до последнего часа ее жизни, Мур был несправедлив к ней. Вот я хочу сказать, эта сторона дела, которую мы чувствовали еще в Париже, нас очень огорчала, и мы всячески старались, конечно, ей помогать. Но помогать ей было очень трудно, потому что, во-первых, она часто скрывала настоящее положение дел. Она любила страдать молча. А с другой стороны, она вызывала все время отрицательное отношение к себе в редакциях журналов и у людей, которые имели кое-какие средства и желание ей помочь. Ну, вот, видите, это я вам просто говорю...

В.Д.: Это все очень интересно и страшно важно, потому что биография Цветаевой не написана.

В.С.: Не написана.

В.Д.: И когда-нибудь должна быть написана.

В.С.: Должна быть написана. Ну, я вспоминаю, например, такую вещь. Она жила на берегу океана в Вандее своей любимой. Она без Вандеи жить не могла! И письма, которые писала она мне тогда из Вандеи — необыкновенные! Море описывалось потрясающим образом и в прозе, и в стихах. Она мне посвятила целое стихотворение о море и писала его — не знаю, мне или просто для меня переписано. Этот автограф у меня особо хранится до сих пор¹⁴⁰. И потом она говорит о хозяевах своих, которые влюблены в нее необыкновенно¹⁴¹. И вот как любопытно, через несколько недель об этих хозяевах, которыми она восхищалась, об этих вандейцах, с необыкновенно высокой точки зрения, она буквально

возносила их до небес, как быстро-быстро они таяли в глазах ее самой и в глазах человека, которому она писала эти письма. Они превратились в колдуна и ведьму, они превратились в самых подлейших людей на свете, все те же самые герои-вандейцы. И в конце концов, понимаете, она, рассорившись с ними, плюнув на них и до скандала, который с милицией где-то кончался, уехала оттуда¹⁴². Это вот типичная картина привязанности, любви и конца этого романа. Это у меня сохранилось целиком в письмах: весь этот роман с вандейскими рыбаками-морьяками. Но в общем...

¹⁴⁰ Речь о поэме «С моря» (май 1926), которая писалась как поэтическое письмо Пастернаку и первоначально называлась «Вместо письма». 11 сентября 1927 г. Цветаева прислала Сосинскому эту поэму, переписанную от руки, с надписью: «Дорогому Володе Сосинскому – попытка благодарности за действенность и неутомимость в дружбе – и еще за Мура. *Марина Цветаева*. Переписано одним махом» (*Цветаева Марина*. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. С. 94). Именно к этому письму Цветаева приложила упомянутое раньше серебряное кольцо с изображением герба Вандеи и двух королевских лилий.

¹⁴¹ 11 мая 1926 г. Цветаева писала Сосинскому из Вандеи: «Здесь чудесные камешки. И у нас чудесные хозяева – из сказки. Их собственный крохотный садик, вот-вот имеющий расцвести розами» (Там же. С. 79). В письме от 26 мая еще больше восторга: «Хотите самое удивительное приобретение? Я любима, обожаема хозяевами, им и ею, т.е. полтора года летами. Лестно? (Мой идеальный «старик».) Они и их любовь и есть самое главное событие этого месяца, меня в этом месяце. В их лице меня любит вся старая Вандея, – больше! – весь старый мир, к которому я – чем-то – корнями принадлежу (может быть простой воспитанностью сердца, которой – утверждаю – в новом нет, и, пока не сделается старым, не будет). Это скрашивает жизнь, стирает ее углы, – о да, водит и гладит по сердцу. Но не только воспитанность: весь уклад. Здесь я, впервые после детства (Шварцвальд), очарована бытом» (Там же. С. 80).

¹⁴² В письме от 20 сентября те же хозяева представлены совсем другими: «У нас чудесно, райский сентябрь, но хозяева адовы, возненавидели нас, получив всю плату наперед одновременно, и сулят нам отъезд с мировым судьей и жандармами – неизвестно за что. Живем мы на земле для того, чтобы не захотелось жить на ней еще раз» (Там же. С. 83). Через неделю, 27 сентября, то же самое: «Последние недели нестерпимо. Нас возненавидели хозяева, и, по их живописаниям, все: мальчишки, девчонки, «барышни», старухи, – только лавочники любят: кормим. Отъезд хозяйка сулит с кварт<ирными> агентами, жандармами и мировым (сдача «инвентаря», полученного весьма несовершенно и требуемого с нас безупречным). Боюсь, придется покупать шкафы и кровати: там лак сошел, тут фанера...» (Там же. С. 84).

Марина Цветаева с сыном Георгием (Муром). 1935

В. Д.: Это были простые люди?

В. С.: Да, абсолютно простые, и люди, которым она успела очень надоесть своей нерегулярной жизнью, неумением ни сварить блюдо какое-нибудь (кухня, наверное, была общая), ни сделать то, что надо, ни убрать свои комнаты, и вообще неумением... в общем, то, что как раз характеризовало Марину Ивановну в быту — в вечной борьбе с бытом за бытиё.

В. Д.: Да, как это грустно и страшно, что она должна была это делать. Но все-таки, по вашему, Аля-то ее любила?

В. С.: Аля ее? В то время трудно было сказать, любила ли она. Но сейчас она ее обожает. Аля ее обожает так, что она не подпускает в свой дом ни одного поклонника Марины Цветаевой, из новых поклонников в Советском Союзе. Она не может разделить с кем-нибудь любовь к матери, в такой степени, что недавно из Урала приехал молодой человек и привез камень, чтобы поставить в Тарусах на том месте, где Марина Ивановна хотела быть схороненной — этот камень, который вез с Урала человек, — она его выгнала из своего дома и пошла к секретарю райкома, похлопотала, чтоб этот камень не ставили¹⁴³. Она в этом смысле чудовищно относится к тем людям, которые влюблены в Цветаеву. Откуда это у нее? Все оттуда. Она позволяет любить Марину Ивановну только... только, чтоб она любила, а другие не должны любить Марину. Потом у нее другая тенденция: Сергея Яковлевича сделать, в общем, примером семьи, самую примерную семью: отец, мать, дети, никого больше, а был кто-то еще.

¹⁴³ В 1961 г. в Калуге вышел сборник «Тарусские страницы», в котором большую подборку стихотворений Цветаевой предварял ее очерк «Хлыстовки» (1934), напечатанный под названием «Кирилловны». Кирилловнами (только по отчеству, без имени), как и полагалось, звали хлыстовок, ходивших парами. Из своего сада под самой Тарусой они приносили на загородную дачу Цветаевых ягоды. Дача называлась «Песочное» и располагалась на берегу Оки. И по этому берегу Кирилловны ходили в Песочное, а Цветаевы в Тарусу. Очерк Цветаева закончила так: «Я бы хотела лежать на тарусском хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уж нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы к ним в Тарусу, поставили, с тарусской каменоломни, камень: Здесь хотела бы лежать МАРИНА ЦВЕТАЕВА» (Тарусские страницы: литературно-художественный иллюстрированный сборник / под ред. В. Кобликова, Н. Оттена, Н. Панченко, К. Паустовского и Арк. Штейнберга. Калужское книжное издательство, 1961. С. 254). В середине июля следующего, 1962 г. в Тарусу приехал 24-летний студент-филолог Киевского университета Семен Михайлович Островский, решивший исполнить пожелание Цветаевой. Он получил разрешение в исполкоме, договорился с директором каменоломни, который дал даром глыбу терракотового гранита в ¾ тонны весом, нашел камнетесов, которые выбили цветавскую надпись. Затем часть пути на лошадах, часть на машине сагитированные помощники киевского студента перевезли и установили камень на косогоре над Окой. Знакомые Ариадны Эфрон тревожными телеграммами тут же оповестили ее об этом. И она, напуганная тем, что самодеятельной установкой камня могут воспользоваться, чтобы сорвать выход тома Цветаевой в большой серии «Библиотеки поэта», организовала телеграмму протеста в Тарусу от имени комиссии Союза писателей по наследию Цветаевой. Комиссия заявила, что считает содеянное в обход родных, знакомых и самой комиссии недопустимым. Камень простоял дней пять и исчез. Говорили, что его сбросили то ли в Оку, то ли в яму возле автостанции. Говорят теперь, что кто-то из местных воспользовался замешательством и из кусков камня устроил ступени к своему дому. К спешному приезду Ариадны Сергеевны в Тарусу его уже не было. Разузнав всё на месте и успокоившись, она написала председателю комиссии по наследию Цветаевой и одновременно главному редактору «Библиотеки поэта» В. Н. Орлову (15 августа 1962): «Конечно и несомненно – Островский чудесный мальчик, вполне, весь, с головы до ног входящий в цветавскую формулу "любовь есть действие", мне думается, что, когда соберем мнения всех членов комиссии по поводу его великолепной романтической затеи, надо будет написать ему от имени комиссии премудрое письмо, т.е. суметь и осудить необдуманность затеи, и... поблагодарить его за нее. Мальчишка совершенно нищий, в обтрепанных штанцах, всё сделал сам, голыми руками, – на стипендию – да тут не в деньгах дело! Сумел убедить исполком, сумел от директора каменоломни получить глыбу и транспорт, нашел камнетесов – всё это в течение недели, под проливным дождем, движимый единственным стремлением *выполнить волю*. И мне, мне, дочери, пришлось бороться с ним и *побороть* его. Всё это ужасно. Трудно *рассудку* перебарывать *душу*; в этом всегда есть какая-то *кривда*. В данном случае – кривда вполне определенная. Что делать! Что поделаешь!» *Эфрон Ариадна*. «А душа не тонет...»: письма 1942–1975; воспоминания / сост., подгот. текста, примеч. Р. Б. Вальбе. М.: Культура, 1996. С. 208). Только через четверть века, уже в перестройку, такой же камень общими усилиями был водружен примерно на то же место.

В. Д.: А у Сергея Яковлевича?

В. С.: У Сергея Яковлевича тоже, возможно, был. Это я не гарантирую, во всяком случае, семья была далеко не примерной, но...

В. Д.: Все-таки была семья, что вообще все-таки...

В. С.: Да, была семья, и она борется сейчас за то, чтобы это не осталось нигде в истории — герой «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца», что это была фантазия. И я боюсь за судьбу этого... я хочу вам сказать, пусть это у вас останется...

В. Д.: И никуда не пойдет.

В. С.: Да. Я хочу сказать, что я из Парижа привез пачку — пятьдесят писем — совершенно исключительно талантливых, может быть, из прозы самое интересное, что написала Марина Цветаева из прозы — письма к Родзевичу Константину, автору «Поэмы Горы» и «Поэмы Конца».

В. Д.: Как — автору? Герою.

В. С.: Как — герою? Герою.

В. Д.: Вы сказали «автору».

В. С.: Герою. Когда он узнал, что я еду в Советский Союз, он приехал в Париж (он живет где-то в провинции), приехал в Париж, Константин Родзевич, в 1960 году, в начале этого года, и передал мне эти письма к Але Цветаевой, причем передал мне открыто, как передают в архив, поэтому я эти письма прочел, потому что меня это в высшей степени интересовало. Я не жалею, что я прочел, потому что это был документ совершенно потрясающий, чисто литературный, чисто литературный, художественный и фактически уникальный и который был сильнее, чем «Поэма Горы» и «Поэма Конца», сильнее, я утверждаю это точно¹⁴⁴. Я с болью в сердце передал эти письма Але Цветаевой. Мы уже знали, что она их сожжет¹⁴⁵.

¹⁴⁴ О том же Сосинский говорил французской цветаеведке, профессору Сорбонны Веронике Лосской (1931–2018): «А эти письма – самое значительное, что есть в эпистолярном наследии Цветаевой. Они, по-моему, значительнее самих поэм: в них видно, как жадно Марина ловила каждую крошку его внимания к себе. Стоило ему сказать какую-нибудь банальность – но ласково, – и она сразу делала из этого – ну прямо диалог между Ромео и Джульеттой. Она только и видела бездонное озеро его прекрасных глаз. Его-то она не видела!» (*Лосская Вероника*. Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников. С. 107).

¹⁴⁵ На пакете с письмами Цветаевой Родзевичу Родзевичем написано: «Для передачи в собственные руки Але». Сама Ариадна Эфрон на обороте написала: «Вскрыла пакет 26 декабря 1960, посмотреть, нет ли мне письма от К. Б. – вынула фотографию (увеличенную из группы) и запечатала вновь. А. Э.». В запечатанном виде пакет после ее смерти, случившейся 26 июля 1975 г., попал в ЦГАЛИ, где и пролежал до 2000 г. – назначенного ею срока открытия архива Цветаевой. Всего в пакете было 31 письмо за 1923–1938 гг. Все эти письма в рукописных копиях с параллельным печатным текстом изданы книгой: *Цветаева Марина*. Письма к Константину Родзевичу / сост., примеч. Е. Б. Коркиной. Ульяновский Дом печати, 2001. Фотокопия автографа Ариадны Эфрон на обороте пакета помещена в этой книге на с. 188.

Вдобавок Ариадна Эфрон жаловалась на Сосинского Веронике Лосской:

«Переписку их (матери и Константина Родзевича. – В. Р.) я получила через Сосинского, который передал мне ее очень нечестно: он оставил у себя рукопись “Поэмы Горы” и фотографию, на которой карандашом сделал выписку из письма. Может быть, он себе оставил еще кое-что. Все потом выяснилось, и я была возмущена. Я же, когда переписку получила, то пересчитала письма и все положила в запечатанный конверт.

Письма мамы к К. Б. или от него я не читала, только вынула одну фотографию» (*Лосская Вероника*. Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников. С. 82).

Свои коррективы в эту историю вносит сотрудница Ариадны Эфрон, биограф Марины Цветаевой Анна Саакянц (1932–2002). Она сообщает, что Сосинский в начале лета 1960 г. известил Ариадну Сергеевну, что привез письма в Москву. И уже 5 июня она письмом поблагодарила его и пообещала встретиться, когда немного придет в себя после «этих непоправимых дней» (очевидно, имея в виду смерть Бориса Пастернака больше месяца назад). В конце июня Сосинские телеграммой напомнили ей об обещанной встрече. Но она ответила, что на месяц уезжает в Латвию.

«Однако и в ноябре она все не могла найти время для встречи: “...тысячи причин моему затворничеству”, – писала Ариадна Сергеевна.

В январе следующего, 1961 года, она сообщает, что не может встретиться, что до середины мая страшно занята» (*Саакянц Анна*. С открытым сердцем к человеку // Владимир Сосинский. Рассказы и публицистика. С. 401). И только после того как в конце января Ариадне Эфрон попала в руки переснятая из группового снимка фотография матери с цитатой из ее письма на обороте, переписанной рукой Сосинского, – фотография, которую он передал через посредника Анне Ахматовой, встреча наконец состоялась. Так что в декабре 1960 г., когда пакет с письмами все еще находился у Сосинских, Ариадне Сергеевне вскрывать было нечего.

В. Д.: И не сняли копию?!

В. С.: Нет. Я не имел права. Предназначалось это ей, а не кому-нибудь.

В. Д.: А, простите, а в ЦГАЛИ вы передали письма к вам?

В. С.: Письма, адресованные мне, их около тридцати, эти письма я в открытое хранение оставил, а письма, которые она писала Ольге Елисеевне Черновой-Колбасиной и Ариадне Викторовне Сосинской, эти письма, на них наложено вето на двадцать пять лет Алей Цветаевой¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Письма О.Е. Колбасиной-Черновой и А.В. и Н.В. Черновым опубликованы. См. <http://www.tsvetayeva.com/letters>

В. Д.: Она вправе это сделать.

В.С.: Как дочь.

В.Д.: Да, ну, это, слава Богу...

В.С.: И у меня есть документ, что на двадцать пять лет...

В.Д.: В общем, уже пять лет прошло.

В.С.: Пять лет уже прошло.

В.Д.: Ну, это хорошо. <нрзб> наши архивы соблюдение таких правил.

В.С.: И эти письма, между прочим, для будущего историка биографии Марины Ивановны имеют огромное значение. Ни с кем она не была откровенна, ни с кем она так не делилась своими горестями и злословием о других людях. Как ни странно, такой грешок у нее был — она очень любила злословить — это уникальные тоже письма. Они дают очень выпукло весь облик Марины Цветаевой. Причем, понимаете, учтите, что это говорит человек, который беззаветно предан ее музе и который любит ее стихи, как редко какие. Для меня в русской поэзии существует только несколько поэтов, она входит именно в число этих нескольких поэтов.

В.Д.: То есть вы говорите о себе?

В.С.: Я говорю о Цветаевой, да.

В.Д.: Ну, да, вы говорите «человек», имея в виду себя. Это и дает вам право говорить о ней, потому что если будет говорить чужой человек, это выглядит гадко, а если говорит человек любящий, то это его право.

В.С.: Тем более, если так можно выразится, я немножко выстрадал эту любовь к ней, такого порядка.

В.Д.: Понятно, да. Это очень, очень... какой замечательный для истории материал! Ну, а она вам тогда читала свои стихи?

Как Цветаева читала стихи. О ее внешности

В. С.: Очень часто. Если что-нибудь напишет новое, обязательно прочтет. Читала она чуть-чуть нараспев, но почти каждый... я бы не сказал, каждую строку, но каждый абзац делая паузу, причем закрывая иногда глаза, чаще всего она на память читала, а не с листка, и слегка покачиваясь.

Она была в смысле такой фигуры своей сидящей — неизменно на стуле и прикасаясь локтем к колену — всегда для художника интересна в смысле резких угловых линий. Не было ни одной линии в Марине Ивановне мягкой, в ее внешнем облике, ни одной линии мягкой, даже носик был заостренный, даже щеки как-то слегка скуластые и шея, так сказать, с нашим адамовым яблоком чуть-чуть выступающая — все было в ней резкое, угловое, и... как бы сказать, заостренное против мира и против людей (?). Такое впечатление складывалось — не в ладу с миром она. Была ли она красивой? В молодости, наверное, была красивой, но она быстро-быстро теряла свою красоту. К тридцати пяти годам она была уже старше своего возраста.

В. Д.: Тяжелая жизнь.

В. С.: Да. И уже не было никакого женского обаяния в женщине возраста Бальзака, когда фактически...

В. Д.: Расцвет.

В. С.: ...наиболее обаятельна женщина, да. Вот почему и мы чувствовали некоторое такое оттолкновение от этих углов, от этих шпилек, от этого острого язычка, потому что она очень зло над многим шутила, над людьми, которые...

В. Д.: «Мы», то есть молодые люди?

В. С.: Да. Она о том же самом Александре Федоровиче Керенском, которого она так радушно и мило встречала и так много они смеялись, хохотали и говорили глупости, буквально глупости, она уже на следующий день нам рассказывала то же самое невозможное, как она это понимает. «И этот человек мог управлять Россией! Это курам на смех!» — говорила она.

В. Д. (усмехаясь): Так оно и было.

В. С.: Так оно и было.

В. Д.: Впрочем, куры смеялись и потом.

В. С.: Да, куры смеялись.

В. Д.: Да... А вы ее еще с какими-нибудь людьми видали? Вот эта ваша сцена с Керенским — потрясающе интересна.

В. С.: Да, забавная сцена была. Я ее видел... Дело в том, что я как раз этим горжусь, потому что я все-таки как раз приложил руку к тому, чтобы «Крысолов» был напечатан в «Воле России». «Крысолова» боялись печатать и Марк Слоним, и другие редактора. Среди редакции «Воли России» были и такие лица: Василий Васильевич Сухомлин, который недавно умер в Москве, член II Интернационала от России, затем... очень известный журналист во Франции¹⁴⁷, потом Владимир Лебедев, который очень сильно разорвался на Балканах во времена Стамболийского в Болгарии, был правой рукой Стамболийского, эсер, который прославился еще в Гражданскую войну на Волге тем, что передал золотой запас чехам¹⁴⁸, затем был Сталинский¹⁴⁹ такой и единственный литератор был Марк Слоним, один из самых блестящих ораторов зарубежья русского, который до самого последнего времени читал лекции. На любом языке он может читать, может читать по-итальянски, по-французски, по-английски, по-русски, по-немецки, блестящий в этом смысле человек. Вот с ним у меня всегда были стычки по линии Марины Цветаевой и Ремизова. Я просовывал Ремизова и Цветаеву в «Волю России». Я же (тоже я ему это говорил, он подтвердил это), я же ему открыл Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, которых он недопонимал. Так что в этом смысле, понимаете, я довольно много сделал в редакции «Воля России» для появления вещей.

¹⁴⁷ В. В. Сухомлин (1885–1963) – политический деятель, публицист, мемуарист; эсер. В 1907 г. бежал из ссылки за границу. С июля 1917 г. в Петрограде. По списку эсеров был избран в Учредительное собрание. С 1918 г. в эмиграции, сначала в Риме, с 1920 г. в Праге, с 1927 г. в Париже. В 1922–1930 гг. соредактор и автор журнала «Воля России». Член исполкома Социалистического интернационала. Сотрудник журнала «Социалист-революционер» (Прага, 1927–1932). Бывал на литературных вечерах «Кочевья». В 1941–1945 гг. жил в Нью-Йорке, затем вернулся в Париж. В 1947 г. принял советское гражданство. В 1951 г. был выслан из Франции. Жил в Чехословакии, а в 1954 г. смог переехать в СССР, женился. Печатался в советских газетах, был московским корреспондентом французской газеты Libération. В 1962 г. принят в Союз писателей как прозаик и переводчик. Похоронен в Переделкине в одной могиле с женой, певицей, актрисой и писательницей Татьяной Ивановной Лещенко-Сухомлиной, и сводной сестрой О. Е. Колбасиной-Черновой.

¹⁴⁸ Владимир Иванович Лебедев (1885–1956) – эсер-боевик, эмигрант с 1908 г., лейтенант французской армии в годы Первой мировой войны. После Февральской революции вернулся в Россию, в июле – августе 1917 г. состоял в должности управляющего Морским министерством во Временном правительстве. Участвовал в боях против Красной армии. Уверял, что нашел в Казани царское золото и отдал чешским легионерам. В 1919 г. эмигрировал повторно. Жил в Болгарии, во Франции, в США. Был советником Александра Стамболийского, болгарского премьер-министра (1919–1923), проводившего политику саграрно-социалистическим уклоном. Принял французское, затем американское гражданство. С 1908 г. был женат на Маргарите Николаевне (урожденной баронессе Спенсер). Об их взаимоотношениях с Цветаевой см. примечание 64. С иронией рассказывает Сосинский о Лебедеве-эмигранте – политике, издателе и журналисте – в очерках «Франко-Славянская типография» (1972) и «Владимир Лебедев» (1982). См.: *Сосинский Владимир*. Рассказы и публицистика. С. 103–107, 191–194.

¹⁴⁹ Евсей Александрович Сталинский (1880–1953) – журналист, прозаик, публицист, литературный критик. Член партии эсеров. В 1908–1917 гг. был парижским корреспондентом народнического журнала «Русское богатство» (СПб., Пг.). После Февральской революции вернулся в Россию. С 1919 г. снова в эмиграции. Был соредактором не только журнала «Воля России», но и журнала «Социалист-революционер» (1927–1932). Дружеская кличка, которой пользовалась Цветаева, – Невинный.

И Марина Ивановна так поэтому и относилась ко мне — в высшей степени хорошо, я должен сказать, что такого, иногда что я сегодня говорю о Марине Ивановне, немножко злого, она бы обо мне не сказала. Может быть уже не было материала, но она бы обо мне не сказала. В этом смысле я знаю хорошо, что она ко мне очень хорошо относилась. Она писала мне: «Володя! Мы потому не вместе, что ни у вас, ни у меня нет времени, а для того... а любовь — это требует и времени, и... — она еще добавила, — и больших усилий. А вот этих усилий мы и не делаем»¹⁵⁰ <нрзб> игра словами. Главное, надо помнить, что она

в высшей степени тянулась ко мне и очень была благодарна... Я помню, как она была мне благодарна. Она хотела видеть портрет на фотографии своего любимого Мура. А для того, чтобы сделать Мура настоящим, надо было обратиться к хорошему профессионалу. И у меня был такой друг большой, фотограф Петр Шумов, и он снял этого Мура в десятках видов, и она в восторге была от этих фотографий. Это были самые настоящие фотографии, которые остались, Мура, и вот, кстати, Марину Цветаеву он очень хорошо снял. Этот снимок я привез в Советский Союз, и он был напечатан на программе того вечера, который был посвящен — в Союзе писателей, в последний раз — фотография Петра Шумова, лучшая фотография Марины Цветаевой¹⁵¹.

¹⁵⁰ Отрывок из письма Цветаевой, который пересказывает Сосинский, процитирован выше.

¹⁵¹ Петр Иванович Шумов (1872–1936) – парижский фотомастер. Уехал из России в 1907 г. В 1911 г. открыл в столице Франции собственное ателье (5, rue du Faubourg Saint-Jacques, 14-е). В 1912–1917 гг. сотрудничал с Огюстом Роденом, снимая и его самого, и его скульптуры. Создал целую галерею фотопортретов деятелей русской культуры, в том числе не менее четырех портретов Цветаевой. В парижском ателье Шумова одно время работал Сосинский.

Об отъезде Цветаевой и Эфрона из Парижа

В. Д.: А как вы понимаете... Теперь скажите, а когда она уезжала, вы с ней общались?

В. С.: Они приходила прощаться перед отъездом к Андреевым. Мы тогда... там же была и Ольга Елисеевна, прощаться перед отъездом в Россию. Меня тогда в Париже не было, так что я с ней не простился. Но ехала она в каком-то сознании обреченности какой-то, в том смысле, что она от жизни как-то уже ничего не ждала. Сергей Яковлевич уехал.

В. Д.: Сергей Яковлевич уехал ведь вперед. Здесь его...

В. С.: Он бежал из Франции.

В. Д.: Он бежал из Франции? А почему?

В. С.: Потому что его преследовала французская полиция.

В. Д.: Преследовала французская полиция?

В. С.: Да.

В. Д.: Он ведь вербовал по заданию советской разведки для испанской...

В. С.: Да, для испанской войны.

В. Д.: Французов вербовал?

В. С.: И французов вербовал...

В. Д.: И эмигрантов русских?

В. С.: И русских эмигрантов. Все вот: и Алексей Эйсер¹⁵², и другие прославившиеся в войне с Испанией,— все были завербованы Сергеем Яковлевичем Эфроном.

¹⁵² Алексей Владимирович Эйсер (1905–1984) – русский поэт, переводчик, прозаик. С 1925 г. жил в Чехии, с 1931 г. во Франции. В 1934 г. вступил в Союз возвращения на родину. В 1936 г. воевал в Испании на стороне республиканцев. Затем работал в советской разведке. В 1940 г. переехал в СССР, вскоре был арестован и только в 1956 г. реабилитирован.

В. Д.: Алексей Эйсер — это что, потом известное имя?

В. С.: Алексей Эйсер недавно в «Новом мире» напечатал очень большой свой дневник о войне в Испании¹⁵³.

¹⁵³ *Эйсер Алексей*. Двенадцатая, интернациональная // Новый мир. 1968. № 6.

В. Д.: Читал. Я просто не обратил... мне не сказало ничего это имя.

В. С.: Это адъютант знаменитого генерала Лукача.

В. Д.: Мате Залка¹⁵⁴.

¹⁵⁴ Мате Залка (1896–1937) – венгерский писатель и революционер, участник Гражданской войны в России. С 1936 г. под именем генерала Лукача командовал 12-й Интернациональной бригадой в Испании. Там и погиб.

В. С.: Да.

В. Д.: Я его здесь в Москве видел.

В. С.: Это как раз его адъютант, правая рука, и потом вдруг <нрзб>. Ну, в общем, они все в Испании были вместе: и Мальро¹⁵⁵, и...

¹⁵⁵ Андре Мальро (1901–1976) – французский писатель, герой антифашистского Сопротивления, идеолог Пятой республики, министр культуры при де Голле. Во время Гражданской войны в Испании командовал добровольческой эскадрилей, сражавшейся на стороне республиканцев.

В. Д.: Так значит...

В. С.: Это Сергей Яковлевич его...

В. Д.: А Сергей Яковлевич что: став французским коммунистом, был потом связан с нашими, с нашей советской разведкой или...

В. С.: Совершенно верно.

В. Д.: ...или с Коминтерном, уж тут трудно сказать, и вербовал...

В. С.: Но не только это. Он принимал участие, скажем, в умыкании такого генерала... не Кутепова, а Миллера уже, наследника Кутепова¹⁵⁶.

¹⁵⁶ Александр Павлович Кутепов (1882–1930) – генерал от инфантерии (1920), активный участник Белого движения. С 1924 г. в Париже. В 1928 г., после смерти основателя Русского Обще-Воинского Союза генерала Врангеля, великий князь Николай Николаевич назначил Кутепова председателем РОВС. 26 января 1930 г. он был похищен на улице в Париже сотрудниками Иностранного отдела ОГПУ и погиб: по одной версии при захвате, по другой – на пароходе по пути из Франции в СССР. Евгений Карлович Миллер (1867–1939) – генерал-лейтенант (1915), руководитель Белого движения на севере России (1919–1920). Вместо Кутепова возглавил РОВС. 22 сентября 1937 г. тоже захвачен агентами НКВД и вывезен из Парижа в Москву. Был приговорен к высшей мере и расстрелян. Сергей Эфрон бежал из Парижа в Гавр и далее на пароходе в СССР 10 октября 1937 г., вскоре после похищения Миллера и убийства 4 сентября в Швейцарии Игнатия Рейсса, кадрового сотрудника советской военной разведки, невозвращенца, напечатывавшего во французских газетах открытое письмо в ЦК ВКП (б), обличавшее политику Сталина. Но если причастность Эфрона к похищению Миллера не была установлена полицией, то в конторе Союза возвращения на родину она обнаружила копии телеграмм, направлявших слежку за Рейссом, и они были написаны рукой Эфрона. Вероника Лосская записала слова Сосинского: «Сергею Яковлевичу удалось похитить Миллера, и Плевицкая получила 25 лет, но его не выдала. У него было три жертвы: Рейсс, который выдал всю сеть шпионажа, Миллер, который был расстрелян в Москве, и Седов, который был потом убит в Париже» (*Лосская Вероника*. Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников. С. 190). Надежда Васильевна Плевицкая (1884–1940) – исполнительница русских народных песен и романсов, с 1930 г. работавшая на советскую разведку (кличка «Фермерша»), – была осуждена во Франции на 20 лет каторги за соучастие в похищении генерала Миллера и умерла в тюрьме. Лев Львович Седов (1906–1938) – сын Л. Д. Троцкого.

В. Д.: Слышал такого. Кутепов, а не Кутёпов?

В. С.: Мы говорили Кутепов.

В. Д.: А его умыкнули кто?

В. С.: Это мы.

В. Д.: Советские?

В. С.: Да.

В. Д.: А зачем?

В. С.: Ликвидировали его. Он очень много саботажей делал в России, засылал молодых офицеров сюда и массу делал вещей. Вы Льва Никулина не читали о Кутепове¹⁵⁷, как его?..

В. Д.: А, у меня есть эта книжка, я прочитаю <нрзб>.

В. С.: Вот, это как раз Сергей Яковлевич занимался этим делом. Не Кутепов, а следующий, который за Кутеповым пошел, генерал Миллер. А кроме того он еще выполнял другие поручения, которые заставили его бежать из Франции. И он в Советском Союзе, к сожалению, не очень тоже пришлось¹⁵⁸ ...

¹⁵⁸ В СССР Эфрону была предоставлена дача НКВД в подмосковном поселке Болшево, но к регулярной работе он по-видимому, не привлекался. «До ареста без определенных занятий» – записано в обвинительном заключении (*Фейнберг Маэль, Клюкин Юрий*. «По вновь открывшимся обстоятельствам...» // Болшево: литературно-историко-краеведческий альманах. Вып. 2. М.: Писатель, 1992. С. 158). Через два года после возвращения, 10 октября 1939 г., его арестовали, а еще через два, 16 октября 1941 г., расстреляли на Бутовском полигоне.

В. Д.: Значит, здесь его ликвидировали?

В. С.: ...организации, для которой он работал.

В. Д.: Как он, вообще, связался со всей этой деятельностью разведки? Он был такой авантюрный человек?

В. С.: Он и меня звал работать в эту организацию, но... Видите ли, он... он как-то в этом смысле какой-то был очень двойной, двойственный человек¹⁵⁹.

¹⁵⁹ Собственно об этой двойственности и рассказывает Сосинский в очерке «А был ли другой Сергей Яковлевич?»

В. Д.: Понимаете, дала Ариадна Викторовна образ обаятельного шармера.

В. С.: Обаятельного шармера, совершенно верно.

В. Д.: Вот, ну, значит... при всем том было что-то, что его роднило с Мариной — это тоже острые углы.

В. С.: Безусловно.

В. Д.: Она дала их как антиподов. Значит, были какие-то острые углы. Но во всяком случае, это было все на таком патриотическом благородстве? Тут савинковщины психологической не было?

В. С.: Это я вам боюсь сказать, было ли что-нибудь близкое с Савинковым¹⁶⁰.

¹⁶⁰ Борис Викторович Савинков (1879–1925) – один из лидеров партии эсеров, руководитель ее Боевой организации, террорист-профессионал, а также прозаик, поэт, публицист (основной псевдоним В. Ропшин). Речь здесь о деформации личности из-за вовлеченности в террористическую деятельность.

В. Д.: Ведь Савинков — это все-таки какая-то извращенность психологическая. Я так понимаю.

В. С.: Это я боюсь... Дело в том, что... Вы помните, как началась... Ариадна Викторовна говорила вам о движении евразийцев?

В. Д.: Упомянула.

В. С.: Вот тут Сергей Яковлевич целиком расцвел, целиком себя дал, вот Константин Родзевич...

В. Д.: Это тоже?..

В. С.: Евразиец. Сергей Яковлевич Эфрон, Сувчинский, это их шеф, его называли Лениным в их группе.

В. Д.: А в чем был смысл этой теории? Это же не просто сменовеховцы¹⁶¹, это что-то другое.

¹⁶¹ Сменовеховство (от названия сборника «Смена веж», изданного в Праге в 1921) – идейно-политическое течение в среде той части русской эмиграции, которая искала примирения и сотрудничества с Советской Россией. Оправдывалось это прекрасноразумными иллюзиями, будто большевики действуют в национальных интересах России.

В. С.: Это соединение исторической идеи о том, что Россия находится на...

В. Д.: На рубеже Европы и Азии.

В. С.: ...на рубеже Европы и Азии и поэтому в конце концов должна...

В. Д.: Объединить.

В. С.: ...объединить и руководить этими двумя континентами, и еще идея сменовеховства тоже вошла туда.

В. Д.: Кто-кто?

В. С.: Идея сменовеховства...

В. Д.: Вошла?

В. С.: ...тоже входила в евразийскую идею. Они издавали журнал «Евразия»¹⁶², в котором они...

¹⁶² Еженедельник по вопросам культуры и политики «Евразия» (1928–1929) выходил по субботам под девизом «Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она – шестая часть света. Евразия – узел и начало новой мировой культуры». Среди редакторов Лев Карсавин, Дмитрий Святополк-Мирский, Петр Сувчинский, Сергей Эфрон.

В. Д.: Это в Болгарии?

В. С.: Нет, в Париже. Я был типографом, я печатал этот журнал.

В. Д.: А почему вы вдруг оказались...

В. С.: Я был наемным в типографии и секретарем редакции «Воля России». Эта типография принадлежала эсерам — «Воля России».

В. Д.: Так это просто ваша была служба?

В. С.: Это моя служба была, и одновременно с этим я занимался писанием рассказов и так далее, и борьбой за Цветаеву, за Ремизова в этом журнале. Надо сказать, что типография эта до сих пор известна в Париже. В ней печатаются «Русские новости»¹⁶³.

¹⁶³ «Русские новости» (1945–1970) – парижская газета, выходившая по пятницам. Сосинский сотрудничал в ней с ее основания.

В. Д.: «Русские новости»? Это что сейчас?

В. С.: Еженедельник на русском языке, прогрессивный, который издается в Париже. Вы никогда не видели его?

В. Д.: Никогда не видел.

В. С.: Пришлю, когда получу.

В. Д.: А он что, к нам?..

В. С.: Да, пропускается.

В. Д.: То есть он что, сейчас просоветский журнал?

В. С.: Просоветский журнал. Там много интересных материалов печатается по литературе. Жалко, что вы его не знаете.

В. Д.: Это было бы очень хорошо. У меня-то... У вас по инерции сохранились...

В. С.: Сохранились. Они мне просто посылают, я не подписался, они мне посылают из любезности.

В. Д.: И из Франции Сергей Яковлевич Эфрон бежал прямо в Советский Союз?

В. С.: В Советский Союз.

В. Д.: Значит, ему, очевидно, велели вернуться?

В. С.: Надо было его спасать или он сам спасался.

В. Д.: Но она ведь ничего... она ведь ничего не знала о том, что происходило здесь?

В. С.: Что произошло — нет, но что он работает, и на опасной работе работает, и что это может плохо кончиться, — это она знала. Это было одно из огорчений ее тоже.

В. Д.: Огорчений?

В. С.: Да. Она знала, что это не так просто, что Сергей Яковлевич выбрал опасный путь возвращения на Родину¹⁶⁴.

¹⁶⁴ Обращаясь к наркому внутренних дел Л. П. Берии по делу мужа и дочери, Цветаева писала (23 декабря 1939 г.): «Когда, в точности, Сергей Эфрон стал заниматься активной советской работой – не знаю, но это должно быть известно из его предыдущих анкет. Думаю – около 1930 г. Но что я достоверно знала и знаю – это о его страстной и неизменной мечте о Советском Союзе и о страстном служении ему. <...> О качестве же и количестве его советской деятельности могу привести возглас парижского следователя, меня после его отъезда допрашивавшего: “Mais Monsieur Efron menait une activité soviétique foudroyante!” (“Однако, господин Эфрон развил потрясающую советскую деятельность!”) Следователь говорил над папкой его дела и знал эти дела лучше чем я (я знала только о Союзе Возвращения и об Испании)» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 7. С. 662*).

В. Д.: А она как к испанской войне относилась, не знаете?

В. С.: Безусловно, так же, как Сергей Яковлевич и как все мы, так же, как к чехословацким событиям. Вы помните ее стихи о Чехословакии тех дней, когда немцы вошли в Чехословакию?¹⁶⁵

¹⁶⁵ В ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье, канцлер Германии Адольф Гитлер и премьер-министр Италии Бенито Муссолини подписали в Мюнхене соглашение о передаче Судетской области от Чехословакии – Германии. А менее чем через полгода, 15 марта 1939 г., Германия ввела войска на территорию оставшихся в составе Чехии земель Богемии и Моравии и объявила над ними протекторат. Цветаева откликнулась на эти события «Стихами к Чехии», составившими два цикла: «Сентябрь» и «Март» (1938–1939). А когда только назревали эти события, писала из Парижа в Прагу Анне Тесковой (24 сентября 1938): «День и ночь, день и ночь думаю о Чехии, живу в ней, с ней и ею, чувствую изнутри нее: ее лесов и сердец. Вся Чехия сейчас одно огромное человеческое сердце, бьющееся только одним: тем же, чем и мое» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. С. 458*).

В. Д.: В 39-м году? Когда пакт...

В. С.: Да, это абсолютно все так было, как у всех нас, никакого сомнения.

В. Д.: То есть русская эмиграция, парижская, была сразу настроена очень антигитлеровски?

В. С.: Безусловно. В особенности когда Гитлер...

В. Д.: Вошел в Чехословакию?

В. С.: Нет, когда Гитлер ударил по Советскому Союзу, в особенности тогда эмиграция стала патриотической. Тут еще были кое-какие споры...

В. Д.: Но не вся. Мережковские остались...

В. С.: Да-да-да, Мережковский ездил к Муссолини в гости, ездил к Пилсудскому в гости¹⁶⁶.

¹⁶⁶ Мережковский считал, что большевизм – это опасность не только русская, но и всемирная и больше всего опасался экспансии коммунизма в Европу. Принятый в Бельведере 25 июня 1920 г. главой Польши Юзефом Пилсудским (1867–1935), пытался отговорить его от перемирия с Советской Россией. Правда, безуспешно. С Муссолини Мережковский встречался трижды: 4 декабря 1934 г., 28 апреля и 11 июня 1936 г. В итоге итальянское правительство выделило ему средства для работы над книгой о Данте. И Мережковский вместе с Зинаидой Гиппиус смог два года прожить в Италии. Книга о Данте вышла сначала по-итальянски, а затем и по-русски: *Мережковский Д. С. Данте. Т. 1. Жизнь Данте; Т. 2. Что сделал Данте. Bruxelles: Editions Petropolis, 1939. В России издается с 1997 г.* В очерке «Встреча с Муссолини» Мережковский сообщает, что заранее написал и послал ему три вопроса: «первый о том, какая борьба с коммунизмом (а следовательно, и с русским большевизмом) возможна, – национальная или только всемирная; второй – о возможной будущей всемирной войне или мире (что значит, основанная им, “Римская Империя”, – вечный мир или вечная война?); третий – о возможном соединении Государства с Церковью, “Орла” с “Крестом”, Aquila и Croce, по Дантовой символике (что значит заключенный им “Конкордат” с Ватиканом?). Все эти три вопроса оказались, увы! и для такого человека, как Муссолини, “слишком трудными”» (*Иллюстрированная Россия. Париж. 1937. 13 февраля. № 8. С. 1*).

В. Д.: К Муссолини даже?

В. С.: Да.

В. Д.: А между прочим во время войны доходили даже какие-то слухи, что Мережковский и Гиппиус занимают патриотическую позицию. Это неверно, да?

В. С.: Неверно. Милюков занимал патриотическую позицию.

В. Д.: Я даже на лекции кому-то говорил, что вот (когда читал о символизме), что вот сейчас они, я не знаю, они еще живы, ходят смутные слухи, говорят, что они заняли сейчас антигитлеровскую позицию. Это, очевидно, было неправильным, да?

В. С.: Неправильно.

В. Д.: Мы ничего не знали.

В. С.: Нет-нет. Я даже вам скажу больше того: Василий Васильевич Сухомлин рассказывал нам... Когда он был в Марселе и они готовились ехать в Соединенные Штаты Америки¹⁶⁷, то он разговаривал с Буниным.

¹⁶⁷ Сухомлин уехал в Соединенные Штаты в 1941 г. после оккупации Франции.

В. Д.: Ведь Бунин собирался вернуться?

В. С.: Ну нет, Бунин не собирался вернуться. Ремизов собирался вернуться, у него советский паспорт был.

¹⁶⁸ Ремизов взял советский паспорт в 1948 г., но остался во Франции.

В. Д.: Ремизов — само собой. А Бунин ведь вел переписку с Телешовым, с Телешовым и Паустовским даже¹⁶⁹. И он собирался вернуться, но тут были вот эти события: Ждановский доклад¹⁷⁰, и это резко опять порвал. Так, во всяком случае, нам...

¹⁶⁹ Со своим старым товарищем Николаем Дмитриевичем Телешовым (1867–1957), организатором литературного кружка «Среда» (1899–1922), Бунин, один из его участников, действительно переписывался. Например, свой восхищенный отзыв о «Василии Теркине» Иван Алексеевич сообщил 10 сентября 1947 г. в письме Телешову (См.: Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 637). Но, когда Александр Твардовский попросил разрешения ответить Бунину, «писательский министр», генеральный секретарь ССП Александр Фадеев ему запретил. В 1947 г. Бунин прислал открытку для Константина Паустовского, адреса которого он не знал, в журнал «Вокруг света»: «Дорогой Собрат, я прочел Ваш рассказ “Корчма на Брагинке” и хочу Вам сказать о той редкой радости, которую испытал я: если исключить последнюю фразу этого рассказа (“Под занавес”), он принадлежит к наилучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго! 15.IX.47 *Ив. Бунин*» (Там же. Кн. 2. С. 405. Фотокопия автографа). Эта открытка тоже осталась безответной. Переписка не состоялась.

¹⁷⁰ 14 августа 1946 г. ЦК ВКП (б) принял постановление «О журналах “Звезда” и “Ленинград”». С разъяснением его член политбюро и секретарь ЦК Андрей Александрович Жданов (1896–1948) выступил с докладами в Ленинграде на собрании партактива и на собрании писателей. По обобщенной стенограмме эти доклады были напечатаны в «Правде» (21 сентября 1946 г.), выходящие в виде брошюры и даже были включены в хрестоматию по литературе для старшеклассников. Докладчик назвал Михаила Зощенко «проповедником безыдейности и пошлости, беспринципным и бессовестным литературным хулиганом» (*Жданов А. Доклад о журналах “Звезда” и “Ленинград”*. Госполитиздат, 1952. С. 7). Об Анне Ахматовой было сказано: «Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой» (Там же. С. 8–9). А Мережковский, Вячеслав Иванов, Михаил Кузмин, Андрей Белый, Зинаида Гippiус, Федор Сологуб, Зиновьева-Аннибал были причислены к тем, кого «наша передовая общественность и литература всегда считали представителями реакционного мракобесия и ренегатства в политике и литературе» (Там же. С. 8).

В. С.: Возможно. Но я лично считаю, что это не совсем соответствует действительности, потому что... Хорошо, если он хотел вернуться на родину, то почему тогда он не взял советский паспорт, как мы все сделали?

В. Д.: А можно было, оставаясь в стране?..

В. С.: Конечно! Вот мы, по указу Верховного Совета от 14 июня 1946 года¹⁷¹ имели право превратиться в советских граждан, если мы не были заподозрены в коллаборации с немцами, если мы не коллаборировали с немцами. Такова была формулировка. И вот мы паспорта — Вадим Андреев, я и многие другие — паспорта эти получили. Получил и Алексей Ремизов тоже. А почему Бунин не получил этого паспорта? Почему он не был на приеме в советском посольстве, на котором были все лучшие представители эмиграции?

¹⁷¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 года «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции» устанавливал, что «лица, состоявшие к 7 ноября 1917 года подданными бывшей Российской империи, а также лица, состоявшие в советском гражданстве и утратившие это гражданство, а равно их дети, проживающие на территории Франции, могут восстановить гражданство СССР» (Ведомости ВС СССР. 1946. № 21).

В. Д.: А это кто, когда?

В. С.: В 46-м — 47-м¹⁷².

¹⁷² Прием, устроенный министром иностранных дел, первым заместителем председателя Совета министров СССР В. М. Молотовым (1890–1986), прошел 3 июля 1947 г.

В. Д.: А прием кто проводил?

В. С.: Проводил, проводился прием, даже Алексея Михайловича Ремизова посадили...

В. Д.: И что, Молотов туда приезжал?

В. С.: Молотов. Справа от Молотова сидел не Бунин, а Ремизов. И когда Молотов спрашивал: «Ну, как живется, Алексей Михайлович? Я вас еще в юности читал». «Вячеслав Михайлович, плохо!» — «Почему плохо?» — «Мышка». — «Какая мышка?» — «Повадилась приходиться из соседней квартиры ко мне мышка».

В. Д. (смеясь): Какая прелесть!

В. С.: После чего Вячеслав Михайлович спрашивает других: «Он что, в уме или не в уме?» А Алексей Михайлович Ремизов рассказывал о заботах, которые были у него в те дни. В те дни его беспокоила эта мышка, и ему неважно, говорил ли он с президентом Франции или с Молотовым. Он со мной поделится этой мыслью и Молотову скажет.

В. Д.: Это отдельный разговор.

В. С.: Да, это отдельный разговор. О Ремизове должны обязательно поговорить особо. Это очень интересно.

В. Д.: И о Ремизове, и о Бабеле и так далее. Но вот... Понимаете, у вас такие емкие ваши рассказы, что... Вот я не знаю относительно Марины Ивановны. Я так чувствую, что у вас еще что-то есть.

О смерти Цветаевой

Я повторяю эти вопросы, и меня очень волнует, также как и смерть Маяковского, меня страшно волнует гибель Цветаевой, и мне вот вам, человеку, который ее так любит и так хорошо ее знал... Я в первый раз разговариваю... Нет, не в первый раз, я потом расскажу вам... человек, который ее знал очень хорошо, но во всяком случае лично так хорошо знал... Как вы понимаете ее гибель?

Я, например, знаю рассказ о том, что она о самоубийстве говорила девочкой. Вообще были ли суицидальные (есть такой термин психиатрический) мысли, высказывания ее в повседневности¹⁷³. В связи с этим и ее конец по-разному... Ну, понятно, что здесь была и житейская, и политическая неизвестность. Искала она родину. Родина ее встретила так тяжело. Она же не знала... Муж арестован, дочь арестована. Ну и, так сказать, где-то... с писательской... средой уехала в эвакуацию. Там она страшно одиноко жила. У меня есть одна запись, которую я могу потом, имею право, вам показать — о ее последних днях¹⁷⁴. Но как вы считаете, только ли это, или в ее личности, в ее строе было заложено... ну, если не предопределенность, то во всяком случае очень большая вероятность такого конца?

¹⁷³ Цветаева пыталась покончить с собой в 1908 г. «<...> намеками – она сказала поздней, что револьвер дал осечку. В театре, на ростановском "Орленке", которого играла Сара Бернар» (*Цветаева Анастасия*. Воспоминания. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной: Дом-музей Марины Цветаевой, 2015. С. 343). Причиной была нафантазированная любовь Цветаевой к Орленку – герцогу Рейхштадтскому (1811–1832), сыну и наследнику Наполеона Бонапарта. Затем, 4 января 1910 г., Цветаева пишет предсмертное письмо-распоряжение сестре, Анастасии Цветаевой, после разрыва с их общим другом Владимиром Оттоновичем Нилендером (1883–1965), поэтом и переводчиком с древнегреческого (см.: *Цветаева Марина*. Письма. 1924–1927. М.: Эллис Лак, 2013. С. 702–705). Осенью 1940 г. Цветаева записывает: «Никто не видит – не знает, – что я год уже (приблизительно) ищу глазами крик <...>» (Цит. по книге: *Кудрова Ирма*. Путь комет: жизнь Марины Цветаевой. С. 725). «Да, мысль о самоубийстве шла с ней давно, и она об этом писала, – подытоживает Анастасия Цветаева. – Но между мыслью и поступком – огромное расстояние» (*Цветаева Анастасия*. Воспоминания. С. 801).

¹⁷⁴ Имеется в виду запись беседы с поэтессой и переводчицей Татьяной Сергеевной Сикорской (1901–1984), которая познакомилась с Цветаевой по пути в эвакуацию и общалась с ней в Елабуге. Оговорка Дувакина вызвана тем, что своих собеседников он успокаивал, что записывает их не для скорого предания огласке, а для XXI в.

В. С.: Знаете, у меня...

В. Д.: Письма у вас есть из Советского Союза? Она вам не писала?

В. С.: Нет. У меня абсолютно, абсолютно никогда не возникало впечатление, что она может кончить самоубийством. Она совсем не принадлежала к тем людям, которые бы могли... в которых можно было бы угадать такую судьбу.

Я потрясен ее концом. Я вижу в ее конце, что она все те боли, все те несчастья, которые у нее в жизни были (она их сама иногда выдумывала, создавала, сама), что она дошла до такой точки, до такого состояния, за которым уже ничего не оставалось ей.

И вот такого момента никогда не было за то время, что я знал, чтобы она дошла до такого предела. Я думаю, что смерть ее вызвана тем, что она дошла до какого-то потрясающего предела, может быть, не только в смысле нищеты и безнадежности жизни, в смысле того, что никто ей не помогает, никто ей не протянул руку, что все: и Асеев, и Эренбург, и Пастернак, и все-все-все от нее отвернулись, ничего для нее не сделали, палец о палец, даже переводить ей не давали, что она дошла до такого отчаяния, до такого отчаяния, плюс невероятное поведение Мура, который довел ее до полного сумасшествия, чтобы она могла это сделать¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Анастасия Цветаева именно Мура обвиняет в самоубийстве сестры: «Марина ушла, чтобы не ушел Мур» (*Цветаева Анастасия. Воспоминания. С. 813*). Анну Саакянц возмущала эта конъюнктурная, как она считала, версия. Но младшая подруга Анастасии Ивановны, Юдифь Матвеевна Каган (1924–2000) ее целиком поддерживала: «Ася правильно делает, что снимает ответственность за смерть Цветаевой с советской власти и перекладывает ее на Мура. <...> Смерть не от бедности, у нее была еда, были деньги. Но самоубийство было в ней самой» (*Лосская Вероника. Марина Цветаева в жизни: неизданные воспоминания современников. С. 286*).

В. Д.: А что вы знаете о поведении Мура в это время?

В. С.: Знаю то, что это был один из самых отвратительных мальчишек, которые вообще на свете могли быть, мы такого знаем, самонадеянного, фанфарона, любимца богов, понимаете, требующего все для себя и ничего для других. Понимаете, это был эгоист чистой воды. И это при ее бесконечной любви к нему создало уже драму в доме, понимаете, такую драму, что Мур даже на похороны своей матери не пришел.

В. Д.: Да.

В. С.: Но это особая вещь. Я хочу сказать, что для меня эта смерть была самой страшной неожиданностью, потому что я... Несмотря на то, что все-таки было грустно накануне войны, которая назревала в Европе, ей, пробывшей столько лет за границей и так связанной где-то корнями с этим белым движением, с царской Россией, с прочим, с прочим, несмотря на то, что она боролась с этим... под влиянием Сергея Яковлевича Эфрона, очень стала левой и...

В. Д.: Она хотела в Советский Союз?

В. С.: Да. И все-таки мы боялись, что она, ну, не придется здесь ко двору. И вот в одном из своих... где-то она говорит, я не помню, где, что «я вернусь не пережитком каким-то русским на родину. Нет! Я вернусь как желанная гостья, как желанная всеми»¹⁷⁶. Вот как она говорила о возвращении на родину. Ну, и что же из этой желанной гостьи получилось? Как хозяйин она вернется на родину.

¹⁷⁶ «Что до меня – вернусь в Россию не допущенным “пережитком”, а желанным и жданным гостем» (*Цветаева Марина. <Ответ на анкету журнала «Своими путями»> // Она же. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 4 / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 619*).

В. Д.: У вас что, есть письмо какое-то, или что это?

В. С.: (*пауза в записи*) ...такое ее выражение, что «Родина не есть условность территории, а непреложность памяти и крови. Не быть в России, забыть Россию может бояться лишь тот, кто Россию мыслит вне себя.

В ком она внутри, — тот потеряет ее лишь вместе с жизнью»¹⁷⁷.

¹⁷⁷ Там же. С. 618.

В. Д.: Это вы откуда цитируете?

В. С.: Это ответ ее на анкету «Своими путями» в 1925 году, который редактировал Сергей Яковлевич Эфрон, ее муж, на вопрос о том, что она думает о современной русской литературе, что она думает о себе¹⁷⁸.

Вот она, в частности, здесь говорит, поскольку мы к этой теме вернемся: «Что до меня – вернусь в Россию не допущенным „перезитком“, а желанным и жданным гостем». И вот это ее настроение и реальное возвращение, когда фактически она из одной нужды попала в другую нужду, да еще родную, и чем-то еще более в этом смысле оскорбительную для ее сознания. Потому что, хорошо, там с любым встречным она, не понимая ни на одном из языков, так, но здесь же русский язык! Франция — это все-таки не то, что Россия. Она — поэт России. И вот все это вместе, да плюс еще — эти немцы ввалились в Россию. И идут, и идут эти самые немцы, которых она ненавидит.

¹⁷⁸ «Своими путями» – пражский журнал, предложивший ведущим писателям эмиграции ответить на анкету «Русские писатели о современной литературе и о себе». Ответы Цветаевой напечатаны в № 8–9 за 1925 г.

В. Д.: Она ненавидит немцев?

В. С.: Не любит их, и так не любит их, и так ненавидит. И страх: что из этого всего получится, и все вместе взятое — я не знаю... Я не могу себе представить, как, как это могло случиться?! Но для меня...

” Вы спрашиваете как раз, были ли такие моменты в наших встречах с ней, не могли ли мы заподозрить о таком конце? Нет, никогда! Да, Маяковский! Но тоже никто не ожидал. Да, Есе... Ну, Есенин! Но Есенин все мог.

В. С.: Да. Так что в этом смысле на этот вопрос я могу ответить отрицательно. Никогда не думал, что она так кончит.

В. Д.: Даже так?

В. С.: Никогда!

В. Д.: Очень важно.

В. С.: И Ариадна Викторовна тоже, вероятно, никогда не думала. Слишком она любила искусство и поэзию, чтобы она могла с этим порвать. Слишком она любила Мура, чтобы расстаться с ним. Вот видите, не все можно учитывать. Слишком она любила что-то такое из жизни, нам как будто бы незнакомое, но что-то любила в жизни самой... В ней...

В. Д.: Вы не ощущали ее, вот так, грубо говоря, в смысле мироощущения быта, декаденткой? Не в смысле литературной принадлежности, ну...

В. С.: Вы хотите сказать — богема?

В. Д.: Нет. Я имею в виду в смысле ощущения, ну, если хотите, то, которое грубо, как раз в более немножко огрубленном виде, ну, было у Леонида Андреева. Ведь он кокетничал немножко...

В. С.: Эсхатологическая тема?

В. Д.: Нет, эсхатологическая тема — это конец мира в целом, это Апокалипсис, я понимаю, нет. Я говорю в смысле — вот, соловушница, понимаете ли: «Мой старый друг, мой верный Дьявол...»¹⁷⁹, понимаете?

¹⁷⁹ Первая строка стихотворения Николая Гумилева «Умный Дьявол» (1906). Один из его источников – стихотворение Федора Сологуба «Когда я в бурном море плывал...» (23 июля 1902). Но если Дьявол Сологуба спасает от гибели взмолившегося ему мореплавателя и находит в нем своего благодарного певца, то Дьявол Гумилева хвастается тем, что, даже вселяя надежду, предает.

В. С.: Нет.

В. Д.: Понимаете, кокетничанье со злом, кокетничанье со смертью, вот я что имею в виду, помните: «Но помни, — молвил умный Дьявол, — Он на заре пошел ко дну»¹⁸⁰. Вот, понимаете. Или все-таки в ней чувствовалось какое-то крепкое, здоровое?..

¹⁸⁰ Последние строки упомянутого стихотворения Гумилева.

В. С.: Крепкое, здоровое чувствовалось. Очень крепкое, здоровое, чисто русское, русское, корнями очень крепко к Москве привязанное. Это в ней всегда было.

В. Д.: Это мне очень интересно.

В. С.: Нет, декаданс — это не она.

В. Д.: Я имею в виду не литературное...

В. С.: Не литературное.

В. Д.: Да, в литературе-то она, конечно, была связана с <нрзб>.

В. С.: Нет, другое, например, близко... Если вы например скажите о такой эпохе во Франции, когда все эти дадаисты были, все эти футуристы французские, я говорю — тогда это вместе у них шло с богемой, то есть с цыганщиной, с богемой. Они, понимаете, квартир не имели, валялись где-нибудь на вокзалах, жили только в кафе, на улицах, не заботились ни о чем в своей жизни. Сидят сегодня — сидят, завтра — не сидят. И это вошло у нас, не знаю, как в Советском Союзе, но у нас, за границей, часто говорят им — богемная жизнь.

В. Д.: Да-да, здесь это было в самые первые годы, потом это, конечно...

В. С.: Вот это, да, вот это — да. У Марины Ивановны была богемная жизнь, она о завтрашнем дне не думала.

В. Д.: А Ариадна Викторовна как раз говорит, что она очень отталкивалась от богемы, и подчеркивала, что у нее...

В. С.: А вот мы с ней никогда об этом не говорили.

В. Д.: ...что у нее, вот, видите ли, все-таки муж, дети...

В. С.: Ага.

В. Д.: И обед вовремя, пусть плохой, пусть комната не подметена, но, так сказать...

В. С.: Тогда, пожалуй, я должен согласиться с мнением Ариадны Викторовны, потому что я, может быть, слишком педантично подходил к ней, что меня раздражало ее, так сказать, отношение, легкомысленное, что ли к жизни.

В. Д.: Вот то, что она дочку не учила...

В. С.: Да. Вот так, что она не чувствовала... Вы спросили однажды, было ли в ней чувство долга. Ариадна Викторовна в одном смысле сказала, что было чувство долга, а в другом — как будто бы его и не было, по отношению к другим. Чувства долга, обязанности к другим — у нее, по-моему, не было. Но тут как-то очень собрано... К семье — да, к Муру, к Муру — да.

В. Д.: А к Сергею Яковлевичу?

В. С.: К Сергею Яковлевичу — нет. Но тут уже странно, тут...

В. Д.: Но чувство долга по отношению к искусству было абсолютное.

В. С.: Абсолютное. Тут все должны склониться перед этим, все. И Аля, может быть, погубленная дочь ее родная: может погубить свою карьеру, карьеру художницы, наконец, если не поэтессы, то художницы, во всяком случае, оставить ее без образования... Она сама, сама, сама училась, изучила французский язык блестяще, великолепно, без ошибок, пишет по-французски. Все сама, сама, сама.

В. Д.: Ведь она вернулась двадцати двух лет?¹⁸¹

¹⁸¹ Когда Ариадна Эфрон из Франции переехала в Советский Союз ей было 24 года с половиной.

В. С.: Да.

В. Д.: Ведь она же здесь еще училась.

В. С.: Да, сейчас она прекрасная переводчица. Луи Арагона... кого угодно, Элюара может перевести, очень добросовестно, хорошо, крепко¹⁸²... То, что очень мало кто из нас может похвастаться таким знанием французского языка. Но этого она сама всего добилась. Так что этот вопрос очень трудный. Я думаю, что Ариадна Викторовна права, что у нее действительно обед должен быть — это должен был быть во время, да-да-да, это было у нее.

¹⁸² Ариадна Эфрон переводила с французского на русский Шарля Бодлера, Поля Верлена, Теофиля Готье, Жана-Батиста Мольера, а также упомянутого Луи Арагона и др.

В. Д.: То есть вы хотите сказать, что у нее было отталкивание от полупьяной французской богемы, как от чего-то роняющего искусство?

В. С.: Да-да-да.

В. Д.: Вы помните, ведь это же концовка замечательная... У меня нет этих книг, но я читал — «Искусство при свете совести».

В. С.: Ага, ага.

В. Д.: Конец: «Если понадобится, то врач и священник нужнее поэта, но если он есть — страшный суд слова — то перед ним я чиста»¹⁸³. Это потрясающее место.

¹⁸³ «Искусство при свете совести» (1932) – отрывки статьи Цветаевой, оставшиеся после сокращения в журнале «Современные записки» (редактор В. В. Руднев). В предпоследнем фрагменте Цветаева говорит о Маяковском: «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал Маяковского-поэта. На тринадцатый поэт встал и человека убил» (*Цветаева Марина. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 5 / сост., подгот. текста и коммент. Анны Саакянц и Льва Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994. С. 374*). Далее последний фрагмент целиком: «Быть человеком важнее, потому что нужнее. Врач и священник нужнее поэта, потому что они у смертного одра, а не мы. Врач и священник человечески-важнее, все остальные общественно-важнее. (Важна ли сама общественность – другой вопрос, на него вправду буду ответить только с острова.) За исключением дармоедов во всех их разновидностях – все важнее нас. И зная это, в полном разуме и твердой памяти расписавшись в этом, в не менее полном и не менее твердой утверждаю, что ни на какое другое дело своего не променяла бы. Зная большее, творю меньшее. Посему мне прощенья нет. Только с таких, как я, на Страшном суде совести и спросится. Но если есть Страшный суд слова – на нем я чиста» (Там же).

В. С.: Да, да-да.

В. Д.: Я читал это пятнадцать лет назад, но помню. У меня нету этих книг... Ну, значит, вы на вопрос, было ли в ней здоровое ядро, отвечаете утвердительно — было!

В. С.: Утвердительно. Абсолютно. Но это <нрзб> во всей ее поэзии: «Молодец», «Царь-Девница» и...

В. Д.: Но я из всей этой поэзии модернистской ее чувствую ближе всего к Маяковскому.

В. С.: Да, недаром она так к нему обращалась, как равный к равному.

В. Д.: С этой безмерностью в мире мер это очень... Ну, Владимир Брониславович, на этом мы давайте сегодня кончим.

В. С.: Давайте кончим. Я очень рад, что вы одобрили наши выступления, и надеюсь, что у нас впереди еще более... еще очень интересная тема будет — это об Алексее Ремизове.

И отношение Марины Цветаевой к этим самоубийствам тоже резко отрицательное, тоже она... Маяковскому влетает от...

В. Д.: Вы поэму эту ее читали?¹⁸⁴

¹⁸⁴ По-видимому, вопрос о цикле из семи стихотворений под общим названием «Маяковскому» (август 1930 г.) – отклике на самоубийство героя.